

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ 3

В стране чудес

16+

ФЭНТЕЗИ / МИСТИКА

Евгения Кротова

Непростые истории
3. В стране чудес

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кретьова Е.

Непростые истории 3. В стране чудес / Е. Кретьова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Есть края, из которых невозможно вернуться. Есть дали, которые невозможно забыть. Их лазоревые глубины будут сниться ночами, видеться в полумраке зеркал, грезиться наяву. Протяни руку — и вот они, совсем рядом, как в детстве, за пеленой неизведанного. Дотронешься — и оживут кентавры, расправят могучие плечи джинны, и оборотни тяжело ступят по стылой земле. Там, в стране чудес, спрятались наши мечты и страхи, смотрят на нас, ждут возвращения. Серия "Непростые истории".

Содержание

Аннотация	6
От составителя. Вместо предисловия	7
Тим Яланский	8
Ключ от бессмертия	9
Цикламеновые мечты	14
Алексей Ладо	21
Наследники	22
Легенда о живом городе	28
Татьяна Виноградова	35
Форель по-баварски	36
Алёна Коновалова	49
Запах трав	50
Ирина Ваганова	60
Укушенная	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ: В стране чудес
СБОРНИК РАССКАЗОВ В ЖАНРАХ ФЭНТЕЗИ И МИСТИКИ

Аннотация

Есть края, из которых невозможно вернуться. Есть дали, которые невозможно забыть. Их лазоревые глубины будут сниться ночами, видеться в полумраке зеркал, грезиться наяву. Протяни руку – и вот они, совсем рядом, как в детстве, за пеленой неизведанного. Дотронешься – и оживут кентавры, расправят могучие плечи джинны, и оборотни тяжело ступят по стылой земле. Там, в стране чудес, спрятались наши мечты и страхи, смотрят на нас, ждут возвращения.

От составителя. Вместо предисловия

Перед вами третий том сборника современной прозы «Непростые истории» – «В стране чудес», посвященный жанрам фэнтези и мистики.

Новые миры, пугающие своей достоверностью, герои, будто сошедшие с полотен Врубеля, Васнецова или Куинджи, завораживающие ароматы. Тайна рука об руку с чудом – это ли не главный магический коктейль, который заставляет нас снова и снова погружаться в мир фантазий, заглядывать за черту, всматриваться в неверную синеву зеркал?

Напрасно кто-то скажет, что фэнтези – это сказки для детей.

Это мир, в котором за тонким флёром допущения кроется ледящее душу «что, если».

Что, если кентавры и драконы – вымысел лишь отчасти? И чьи-то сапфирово-синие глаза – залог сокрытия тайны?

Что, если тот мир ближе, чем мы себе придумали?

Что, если от погружения в него вас отделяет шелест одной-единственной страницы? А за ней – обманутый вечностью Кай?

Тим Яланский

Совладелец литературного сайта, автор-составитель сборника «Странники» (2018, «АСТ»). Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, «Дятловы горы»), неоднократно становились победителями в сетевых конкурсах.

Пишу прозу, преимущественно, фантастику и фэнтези, статьи. Любимые темы – приключения, о дружбе и любви.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Thinnad.html>

Ключ от бессмертия

Стылая мостовая скрипела солью, набензиненный снег забился в щели плит. Парочка впереди остановилась. Кей с расстояния в десять шагов видел, как алеют негодованием щёки девушки.

– Ненавижу тебя! – выкрикнула она спутнику, локоны из-под смешной шапки с помпоном рассыпались по пушистому воротнику. – Ненавижу!

Пар стыл в морозном воздухе.

«Клак-клак», – стучали каблочки сапожек, когда она побежала прочь, вниз по улице, минуя прохожих.

– А-а-ах-х! – глаза распахнулись, встретив бездонный взгляд высокого незнакомца. На мгновение девушке показалось, что над обтянутыми чёрным кашемиром плечами колышутся завесы прозрачных нитей. Холодные пальцы Кея коснулись её губ, забирая дыхание... и ненависть.

Вот так. Он поможет. Несколько выдохов, кусочек живого огня, минутное головокружение – девушка не вспомнит, что с ней случилось. Она не вспомнит угловатую фигуру с чёрными глазами и бледными пальцами. Останется лишь опустошённость. Об исчезновении нескольких дней жизни она даже не узнает. Маленький ключ на груди Кея приятно кольнул холодом.

Люди любили причинять друг другу боль, и Кей помогал им освободиться, зная, что никогда не услышит слов благодарности.

Чужое дыхание грело пальцы, свивалось в туманную нить. Кей добавил её в трепещущие полотнища за плечами. К концу года крылья стали совсем большими. Хороший урожай для Вечности.

Сегоднялюдно – небо потрескивало, сбрасывая чешуи Старого Года, и желающих совершить променады под огнями аллеи прибавилось. Страсти играли острыми цветными всполохами. Женщина затаила дыхание при виде витрины с сапожками, напряжение сделало её плечи угловатыми и жёсткими; лохматый парень в шарфе грел дыханием ладошки смеющейся девчонки, пьяненький мужичок улыбался внутрь себя – и душный пар вырывался в темнеющее небо. Тлен. Прозрачные нити кусочков жизней шелестели и колыхались за спиной собирателя Вечности.

Люди такие расточительные. Дурацкие страсти сжигали их время. Мужчины и женщины лгали друг другу и себе, чтобы не оставаться наедине с зимой. Кей как доктор забирал боль, отрезал кусочки симпатий и выдёргивал огоньки страсти – а кусочки жизней, брошенные хозяевами в никуда, спасал.

Любовь не бывает вечной, но может питать собой Вечность.

Шепоток влюблённых на заснеженной лавке, крик малыша, уронившего карамель, – Кей искусно забирал то, что им не нужно, и ключ на груди кололся инеем. Пальцы теплели.

Недалеко умирал человек. Кей чувствовал это, губам стало жарко. Последние вдохи, когда человек желает жить, – драгоценнее их только первые секунды после рождения. Достойное завершение года, много нитей Вечности: когда новогодней ночью откроется переход на Ту Сторону, Кей принесёт Госпоже прекрасный подарок.

Это рядом... Кованая решётка ограды впилась в пальцы, замёрзшие кусты роз задрожали. Вверху в ветвях завозилась птица, и Кея окутало колючей ледяной пылью. Тусклое окошко, невысокий балкон «мечта домушника». Зашуршала ткань пальто по крашеному бетону, Кей перекинул ноги и замер. Большой чёрный ворон спикировал из ночи и сел на перила, словно предупреждая.

Снова он.

Птица преследовала Кея. Сначала выглядящий досадной случайностью, ворон превратился в неприятное обстоятельство. И стал агрессивнее. Кей потёр затянувшийся шрам на скуле. Ворон с некоторой задержкой появлялся во всех местах, где Кей работал в последние годы. При переходах птица теряла его, а потом находила. Снова и снова. Это была та самая пернатая тварь – нахальная, ловкая, хищная, со взъерошенной бородкой у массивного стального клюва.

Тихое карканье остановило тянущуюся к балконной двери руку. Кей замер. Что ему нужно? От мерзкой птицы надо избавиться. Он прижался спиной к ледяной стене, прикрыл рукавом лицо и пнул ворона ботинком. Тот увернулся, легко перескочив левее, приоткрыл чёрные крылья и насмешливо каркнул. Ещё удар – птица подпрыгнула, сорвалась и исчезла в ночи. Кей прислушался. За голыми силуэтами розовых кустов и кованой ограды в жёлтом масле фонарей ходили люди. За спиной кто-то умирал.

Пальцы ощупали холодный пластик балконной двери, когда по ушам ударили чёрные перья – вынырнувший из черноты ночи ворон врезался Кею в затылок. Вечность зазвенела метелью, и её не стало.

«...Лететсноу, лететсноу, лететсноу», – Синатровский баритон пробивался сквозь шум двигателя, пахло дерматинном, от горячего воздуха казалось, что губы и веки распухли. Автомобиль подпрыгнул на ухабе, по обивке мазнули жёлтые полосы света.

Кей повернул голову – кипящая боль прокатилась висками, отозвалась в макушке – и прищурился. Покачивалась зелёная фигурка оленя на ниточке, над спинкой водительского кресла каштановые кудри подрагивали в такт не то песне, не то ходкому движению колымаги. Кей пошевелился, ключ скользнул по груди каплей испарины.

Урчание прекратилось, автомобиль фыркнул, дёрнулся и замер. Обладательница каштановых кудрей обернулась и спросила ленивым колким голосом:

– Оклемался?.. Я была уверена, что ты не помрёшь.

– Чего ты хочешь? – голос осип, в горло словно заполз слизняк и подох там.

– Я не для того так долго тебя искала, чтобы ты взял и помер, – продолжала, словно не слыша вопроса, девица.

Дверца распахнулась, выпустила из тьмы стайку снежинок.

«Белые пчёлы», – всплыло в памяти почти забытое.

– Выходи, – тонкая сильная рука потянула за рукав, незнакомка толкнула Кея, помогая сесть. Со связанными за спиной руками двигаться оказалось нелегко. Покинуть душный жаркий салон хотелось очень.

Морозный воздух тронул волосы, Кей блаженно подставил лицо холоду. Почти хорошо.

– Отпустила бы ты меня, детка, – голос тоже ожил, налился ледяной гулкостью. – Живой я опасен тебе, мёртвый – всей округе.

Снежные пчёлы кружили, путались в волосах, целовали в губы. Крылья Вечности тихо шелестели, колыхались в морозном воздухе. Жёлтый фонарь над воротами старенького одноэтажного здания освещал вспаханный колёсами «Лады» снег просёлочной дороги.

– Я тебя не боюсь, – блеснула зубками разбойница и продемонстрировала тёмное лезвие длинного ножа. Бледное лицо полыхнуло внутренним светом. – И её тоже, – многозначительно добавила она. Волчьи серые глаза смотрели на Кея, не мигая, как на врага.

Девушка волновалась. Кей видел рыжие нити тревоги над её затылком и плечами, органично сплетающиеся с жёлтым сиянием на каштановых прядях – они должны быть отвратительно горячими. Не такими, как жар бензинового бездушного огня, а истинно горячими. Коснуться их, вырвать, спрятать в ладонях... Как розовый бутон, который рассыплется инеем.

Связанные запястья отозвались режущей болью. Похоже, кожа лопнула, по линиям ладоней стекала влага. Неумело связано.

– Конечно, я никуда не пойду, – с расстановкой произнёс Кей. – Не представляю, зачем это мне. Убивай здесь.

Девушка ткнула острием ножа в пальто, напротив сердца. Щёлкнула отлетевшая пуговица.

– У тебя нет выбора, – быстро проговорила разбойница. – Я тебя искала годы, и теперь сделаю, что должна. Иди в дом!

Кей подался навстречу, острие вспорол кашемир и коснулось кожи. От болезненного давления лезвия и боли в запястьях снова заныли виски. Валяться здесь, орошать кровью снег, а потом медленно восстанавливаться не хотелось, но ситуацию нужно было раскатать. Злодейка напугана.

Девчонка сделала полшага назад, в хищных глазах мелькнула паника – прореха в пальто Кея явила затягивающуюся на глазах рану на груди. Серебряный ключик ожёг кожу.

– Тебе же будет лучше, если пойдёшь сам, – она вскинула подбородок и ткнула ещё раз, сильнее. Ветер от крыльев приземлившегося на снег ворона взметнул её кудри.

Кей видел, как дрогнули зрачки девчонки, когда она заметила ворона, повернулся и ударил её плечом. Худое тело изломилось и врезалось в ворота ограды, раздался крик. Рывок – рука выскользнула из петли, окровавленная ладонь легла на девичье лицо – и Кей получил удар ногой в живот.

Злобная маленькая тварь.

Она набросилась на Кея и обхватила его руки, прижала к корпусу. Кей выгнулся на снегу, разрывая хватку, когда огромная чёрная птица врубилась клинком клюва в грудину, точно в измазанную бледной кровью затягивающуюся рану.

Время вывернулось с хрустом, пронзая позвонки и изливаясь сквозь коренные зубы, Кей хотел крикнуть, воздуха не было, горькая жидкость плеснула на язык. Страшный скрежет, кровавые нити из развороченных рёбер. В клюве птицы блеснул лёд. Пальцы сжались в агонии, круша жёсткие перья и кости – мятый чёрный комок упал во тьму, и Кей, наконец, закричал. Хриплый вой покотился крышами заснеженных домов, и дворовые псы прижали уши и заскулили, как перед землетрясением.

Горячо. Как горячо. Липкие капли тянутся по вискам. Дышать трудно – горе выплёскивается со влагой, и чья-то прохладная ладонь гладит лоб, вытирает жгучую жидкость из глаз.

– С днём рождения, – шепчет голос, Кей приоткрывает глаза и видит лицо в ореоле каштановых кудрей.

– Почему? – спрашивает он.

В груди бьётся мощно и ровно. Сердце. Бьётся, словно никогда не замерзало.

– Потому что я обещала найти тебя, – поясняет разбойница из прошлой жизни.

– Кому? – выдыхает Кей.

– Ты совсем ничего не помнишь? – в голосе тоска и боль.

Кей не знает, что отвечать. Словно книга захлопнулась: он был там, внутри вьюги... Крылья Вечности дрогнули, воскрешая память.

– Ты когда-то был человеком, – отвечает на незаданный вопрос разбойница.

Трупик ворона с ледяным осколком в клюве нашёлся быстро. Его присыпало свежим снегом, но прозрачные жгуты вырванных нитей торчали из оплывшего сугроба. Кей заморозенно посмотрел на то, что раньше сидело в его груди.

– Я хотел себе эту штуку, чтобы быть совершенным, – проговорил он. – Всё случилось так давно...

– Сто восемь лет назад, – кивнула разбойница. – Ты перестал быть человеком.

Каркнула в вышине ворона, снежинки запорошили два силуэта, склонившихся над трупиком птицы. Ледяные крошки касались губ и таяли.

Достаточно поверить в честность зла и беспомощность добра, чтобы перестать быть человеком. Становится не жалко. Если цель оправдывает средства, то сам не замечаешь, как становишься инструментом. Кей знал, что у Снежной Госпожи целая армия собирателей Вечности, которые несут отобранные людские дни к её трону.

Люди не ценят чувства, как не ценит солнце свои лучи.

– Сегодня откроется переход, – сердце ударило особенно сильно. – Мне нужно вернуться и всё исправить.

Призрачные крылья Вечности коснулись мёртвого ворона.

– Чтобы всё исправить, не нужно возвращаться на Ту Сторону, важное находится здесь, – прошептала девчонка. – Моя двоюродная прабабушка ждала тебя всю жизнь – когда ты перестал её любить и ушёл в метель – и сейчас она умирает. Моя ма искала тебя, и другие. А я нашла. Пошли?..

Кусты роз, нагие и замёрзшие, тянулись к чугунным прутьям ограды. Он был уже здесь ночью. В комнате безнадежно пахло лекарствами и смертью.

Кей с недоумением взгляделся в сухое неподвижное тело.

Кто это? И что он здесь делает?

Отчаянно захотелось уйти... Забыть всё. Вернуться к ледяному спокойствию Госпожи, к теням и ветру, и следующей зимой оказаться в другом городе, подальше от сумасшествия. В груди что-то неудобно сжалось и задрожало.

Кей оглянулся. Чистая комнатка – стол, шкаф, кровать, коврик на дощатом полу. Пожелтевшие занавески и два горшочка роз – красных и белых. Он сам не заметил, как оказался рядом – пальцы тронули упругие губы лепестков.

– Я не хочу здесь быть, – сердце замерло и пошло тише. – И уйду. Не преследуй меня больше никогда.

– Ты её не узнал? – разбойница стянула куртку, и теперь толстовка мешком висела на худеньких плечах.

– Нет, – покачал головой Кей. – Не знаю, что я здесь делаю.

– Хорошо, – девичьи губы сжались в бледную линию. – Иди. Только попрощайся с нею, ведь она ждала тебя сто восемь лет.

Кей приблизился к иссушённому телу, прикрытому белым одеялом в цветочек. Восковая кожа обтягивала череп старухи, было непонятно, выйдет ли она из забвения, или уже умерла.

– Прощай, Герда, – сказал тихо Кей, и склонился над ней.

Серебряный ключ скользнул в прореху от ножа и повис на цепочке, налился биением света над еле вздымающейся грудной клеткой умирающей женщины.

Кей вздрогнул, когда сухие веки моргнули, и из впалых глазниц глянули живые глаза.

– Кай? – пронеслось выдохом, свивающим мир в спираль.

Время замерло, сжалось в точку и распахнулось.

Льдом ожгло спину, ключ на цепочке натянулся, и звенья не выдержали. Хлестнуло по шее, кулон засиял звездой, сорвался, упал и впитался в грудную клетку старухи. Удар силы ошеломил. Крылья Вечности трепало ураганом, нити свивались в кокон, бушевали над изгибающейся фигурой, и Кей упал на колени. Он смотрел широко раскрытыми глазами в истёртые половицы и дрожал, не в силах поднять взгляд. Слеза повисла на ресницах, замерла и сорвалась, поставив тёмную точку.

Густые волосы упали вековым водопадом, молочной белизны гладкие ножки коснулись пола.

– Что это? – открыла глаза светящаяся звездой девушка. – Где я нахожусь?.. Кай?

Зазвенело – ветер распахнул окно и втолкнул порыв ледяной пыли.

Кей... Кай закашлялся, закрыл лицо ладонями – холод хлестнул по плечам, за которыми уже не было крыльев.

– Хватит, – острый голосок разбойницы гвоздём воткнулся в круговерть, стукнула створка окна, и стало тихо. – Или я посажу тебя в печку, старая ведьма.

Нежные и странно родные ладони легли на макушку, с осторожностью, словно боясь что-то разрушить, пальчики зарылись в волосы. Так никто не делал уже вечность. Кай вздохнул глубоко-глубоко, накрыл её руки своими.

– Мне снился такой странный сон, – сказал он.

Высокая статная дриада шествовала по тропе между олеандрами. Марилея вздохнула и надела туфли. Отдохнуть не удалось. Тёплый от солнца валун так славно щекотал спину! Всё-таки шефиня Оисса, откуда-то эту каменюку привёзшая, прекрасно разбиралась в природной роскоши и особенных вещах. Сучка.

Оисса обогнула колоссальные солнечные часы, острие тени которых утыкалось в сектор с анютиными глазками, показывая два часа дня. Окинула прозрачным взглядом композицию и прошелестела:

– Марилея, у нас проклюнулось срочнейшее дело. Заказчик с «Вересковых Пустошей» привёз пять сотен клиентов на санацию. Бросай всё, займись этим.

«Вересковые Пустоши» – ультрасовременный комплекс башен – был визитной карточкой мегаполиса. Естественно, что казённые помещения были уставлены горшками и кашпо с разнообразнейшей флорой, и момент, когда весь этот дендрарий привозили на оживление и обработку, становился проклятием для компании флористики.

«О нет! – брови Марилеи скорбно изломились домиком, – только не сейчас!»

До заката оставалось ещё полновесных шесть часов, но пятьсот цветочных горшков... Это чересчур! Придётся работать, не отрываясь даже на перекус и телефонные звонки.

Зато, скорее всего, удастся получить премию к завтрашней зарплате – и к туфелькам прикупить моднейшую тунику цвета цикламена. Мысль о шоппинге приободрила Марилею, и улыбка вышла почти искренней:

– Уже лечу, мадам Оисса, уже лечу!

Ночь хранила огни города, биение его жизни, ту непередаваемую атмосферу, что охватывала любого, стоило выйти на улицу. Бежали по делам клерки, гуляли под ручку студенты, протирали витрины и скульптуры работники – один лишь Серегон чувствовал себя камешком в тёмной реке ночи. Он шёл неторопливым шагом существа, привыкшего к тому, что его огибают. Полированный булыжник мостовой похрустывал под каменными ступнями тролля, наполненный ароматами еды, бензина и ночных фиалок воздух кружил голову мечтами. Вырваться бы в отпуск... Уехать к морю, гулять по песку, спать в прибрежных скалах, смотреть на русалок, резвящихся под луной... Луна в городе не такая – словно подёрнутая пеленой, рассеянная, сонная. Призрачный старик на ней живёт мечтами о волнах и серебряных русалочьих телах.

Узкие витрины квартала Огоньков переливались мерцанием. В них обнажённые девушки десятка различных рас извивались под неслышимую музыку, пили кофе из маленьких чашечек, разглядывали прохожих, зазывно улыбаясь и красуясь торчащими сосками полированных грудей. Тролль задержался взглядом на серебристой нимфе в витрине-аквариуме, вздохнул и прошёл мимо.

Хозяин кафе – горгуль с позеленевшими от старости суставами – окинул взглядом массивного Серегона и снял с никелированного крючка полувёдерную бронзовую кофейную кружку. В брюшной сумке тролля запиликал телефон.

– Серегон, дружище, мне срочно нужна твоя помощь.

– Извини, брат, я на мели. Умудрился распанхать менеджерский монитор, теперь вычтут из зарплаты. Сам понимаешь.

– Эх, беда... – трубка разочарованно вздохнула. – А у тебя сегодня хата свободна?

– Базил, а ты не думал поработать? – хмыкнул тролль. – Было бы куда подружек водить, и бабло случалось бы.

– Ну так я подъеду? – беззаботно квакнула трубка.

– Подъезжай, балрог с тобой, – вздохнул Серегон.

Руки щипало мурашками, суставы болели. Марилея чувствовала себя очень, очень несчастной. Крылышки поникли и даже волосы цвета клубники потускнели.

Фея честно выложились, заряжая и оживляя увядших питомцев торгового центра «Вересковых Пустошей». Шесть полновесных часов она кропотливо выхаживала каждый цветок, глянцеваля листья, укрепляла побеги, добавляла удобрения и изгоняла паразитов. И теперь чувствовала себя, как надломленный нарцисс.

Хочется добраться домой поскорее, чтобы не оказаться снаружи, когда померкнет свет. Если поспешить, то не придётся ёжиться в одиночестве на стремительно пустеющих улицах. Все приличные дневные жители ночью спят и не позволяют тьме окутывать и пачкать себя. Ночью на улицах водится всякое – Марилея слышала страшные истории о жителях ночи, но никогда ни одного своими глазами не видала и не жаждала увидеть.

– Ты уже закончила, дорогая? – дриада Оисса в восхищении оглядела ангар. Её тело, словно сплетённое из лозы, органично смотрелось в лаково-зелёных цветущих джунглях. – Молодец, ты просто замечательно чувствуешь растения! И заслужила похвалу.

– Благодарю вас, мадам Оисса, – выдавила из себя улыбку Марилея, воскрешая в памяти цикламеновую тунику. – Я могу идти домой?

– Можешь, – кивнула шефиня. – Ты же всё закончила? И часы? Их заказчик придёт завтра.

– Часы? – подняла бровки фея. – Конечно, нет, вы же сами сказали...

– Очень жаль, – поджала губы начальница. – Ты знала, что с ними нужно закончить сегодня.

Серегону нравилась подработка. Она не приносила таких денег, как работа на стройке, но, погружаясь в неё, тролль чувствовал успокоение. Работа с камнями приводила мысли в порядок, они становились тёмными и бархатистыми, как базальтовые булыжники.

Серегон устраивался удобнее на мягком грунте, чувствуя, как тот проседает под каменным сидалищем, зарывался ладонями в землю, нащупывал кончиками пальцев жирную тёплую глину, скрипучие кварцевые крупинки, хрустящие кристаллики шпата. Шипучая магия струилась по ихору, и руки Серегона обретали ловкость. Он виртуозно выглаживал глыбы и лепил гранитное кружево, на время забывая, что это – всего лишь кусочек будущей ограды или чаши садового фонтана.

Тролль нашёл эту работу недавно, ощутив, что денег, которых ему платят в «Новой Мории», после перечислений домой не хватает на развлечения и на то, чтобы чувствовать себя уверенно, в особенности – привлекать девушек. Серегон был молчаливым угловатым «живым камнем» – недаром говорят «как тролль в посудной лавке», когда хотят указать на неуклюжесть. Вот и монитор нынче пал жертвой этой самой неуклюжести... Серегон привык. Похожему на неотёсанную скалу здоровяку непросто найти подходящую пару. Девушкам гораздо больше нравятся такие, как красноречивый обходительный Базилеррен – бездельник Базил, тёмный эльф и по совместительству лучший друг.

Вот беда, подработка напрочь убила личную жизнь. Теперь у Серегона практически не оставалось свободных предрассветных часов, чтобы погулять и попытаться подцепить кого-нибудь симпатичнее горгульи. Троллицы – в два, а то и в три раза больше его самого – на поверхности не попадались, предпочитая обитать в подземных норах. Серегон не спешил посвящать себя воспитанию потомства, безвылазно обитая вместе с женой вдали от шика и красоты подвездного города. Именно ради впечатлений надземного мира тролль и покинул родные тоннели, хотя официальной причиной стала работа в строительной компании «Новая Мория».

Он с удовлетворением оглядел своё творение. Это была невесомая ажурная сетка для беседки, украшенная кварцем и селенитом. Камни отражали наливающееся зарёй небо, переливались и мерцали серебряными бликами. Нужно только дорастить опору – и дело сделано.

Серегон покосился на беременное рассветом небо. Полчасика ещё есть. Он успеет. А домой всё равно можно не спешить, там же Базил с подружкой. Троллю много не нужно – переднеует здесь. Ляжет где-нибудь в сторонке на упругую сочную землю и застынет, каменная кожа как панцирь – спасёт его от беспощадного солнца. Когда нежная ночь осыпается песком рассвета, лучше не мучиться под жёсткими лучами, а спать и видеть сны. Благо, Серегону не нужны стены, он сам как стена...

Мариля, растерянная и обессиленная, выпятила губку. Если сильно постараться, то за пятнадцать минут можно успеть подрастить барвинок, он оплетёт прорехи, и солнечные часы будут выглядеть почти хорошо. Феечка вздохнула и развернула плечики. Туника цвета апрельского цикламена маячила в мыслях призывным знаменем.

Ещё несколько дней такой работы – и к праздникам появится не только талия, но и тени под глазами!

Надо поспешить. Домой придётся лететь изо всех сил, чтобы не попасть под тяжёлую ладонь тьмы. Мариля с опаской поглядела на плавящее горизонт солнце и решительным шагом направилась к краю поляны, где стебли барвинка оплетали узорчатый изгиб какой-то садовой конструкции.

По пальцам побежали капли волшебства. Мариля зажмурилась, выжимая остатки сил, и сама не заметила, как опустилась на хряпящий тепло солнца камень, что так уютно манил её весь длинный непростой день.

Серегон проснулся и вздрогнул. Что-то было не так. Он открыл глаза и потянулся, вдруг осознав, что к нему прижимается, обнимает, как возлюбленного, создание звёздной красоты – белокожая девушка с волосами цвета розового кварца – нежная, как лунный свет на морской волне.

Создание звёздной красоты распахнуло чудесные глаза, уставилось на Серегона и заорало:

– А-а-а-а-а-а! – продолжая кричать, девушка вскочила и бросилась бежать.

Троль обернулся. Никого поблизости нет, а сам он не настолько страшен, чтобы пугать дев. Скорее обычен, как стена.

Он взволновался, когда увидел, что красотка зацепилась ножкой за стебель и упала в колючие переплетения кустарника. Серегон вскочил и с неожиданной для себя самого прытью кинулся на помощь.

– Уйди! Уйди, тварь! Чудовище! – кричала незнакомка, её прозрачные крылышки дрожали.

Она закрыла личико сгибом локтя и постаралась лягнуть Серегона потерявшей туфельку пяткой. На белой коленке виднелись царапины и грязь. Троль присел перед девушкой, стараясь понять, что же случилось. Может быть, красавица увидела страшный сон? Она кричала о чудовищах.

Троль знал, что помогает от приснившихся кошмаров! Нужно что-то красивое и завораживающее.

Серегон улыбнулся, зачерпнул глины с песочком, размял их между ладоней. Заструилась, побежала магия. Троль пощёлкал пальцами, расщепляя вещество, и вот в массу оказался примешан цезий.

Сверкнули разряды в сжатых каменных ладонях, налился жаром растущий камень. Готово.

Ещё горячий ярко-розовый кристалл впитал и отразил свет луны.

Любопытная девушка, выглянув из-под локтя, уставилась на Серегоновскую поделку полными изумления глазами. Её ротик округлился, а дорожки слёз на щеках мгновенно высохли.

Марилея видела, что ночное чудовище протягивает ей огромный драгоценный камень роскошного оттенка, того самого, цикламенового...

Девушка не помнила, как уснула в саду – наверное, от усталости.

Коленка засадила, когда фея подтянула ножки.

Ночь, колючие кусты, страшная, вытесанная из камня рожа с горящими глазами... Вокруг насмешливо обступала густая, как черничный сироп, тьма. Ночное чудовище явилось, чтобы ухватить её, искалечить и сожрать. Никто не поможет!

Какой всё-таки красивый камень.

Чудовище неожиданно улыбнулось и положило камень на землю. Марилея смотрела, как оно выпрямилось, сердце застучало от излучаемой этой махиной мощи. Обитатель тьмы был похож на героя легенд – такого, каким его себе представляют студентки-филологини, разве что основательно окаменевшего. Рубленные очертания торса, здоровенные руки и по-драконьи грациозные движения. Широкие плечи – такие захочешь обнять – не дотянешься.

Марилея вдруг поняла, что примеривается, как можно обнимать плечи этого незнакомца и вспыхнула. Злость помогла – остудила мысли, и фея осознала, что никто её калечить и жрать не собирается.

Она шмыгнула носом и пригладила растрепавшиеся волосы. Выглядит как замарашка из дупла.

– А ты, вообще, кто? – спросила она, подпустив прохладцы в тон...

– Растить кристаллы просто, – гудел Серегон. Он сосредоточился на кучке ракушек под ладонями. Тонкие пальчики любопытной феи лежали поверх его рук, ловя магические эманации. – Ты чувствуешь с ними сродство и просишь...

Вещество налилось свечением, запахло горячей скорлупой. Миг – и вот уже вместо кучки ракушек оказалась мраморная статуэтка самой Марилеи.

– Ой, – фея прижала ладошки ко рту и снова мило покраснела. В темноте свечение горячей крови в щёчках выдавало эмоциональность девушки.

Тьма окутывала мир, таинственно шелестели ночные кусты. Звезда в небесах задорно подмигнула.

Когда Серегон нёс фею домой, та задремала, убаюканная мерными покачиваниями. Троль шёл, и сердце стучало, высекало искры. Он смотрел на усталое личико спящей красотки, и ему хотелось идти так долго-долго, не будить её.

Но... Ночь только началась, и нужно было ещё попасть на работу.

– Базил?! – Серегон замер, не веря собственным глазам. – Что ты здесь делаешь?

На месте Кализены довольно ослабился тёмный эльф.

– Работаю, – ответил он. – Ты ж сам говорил, что мне нужно найти работу. Додолбал, считай.

– Но как?! – Серегон открыл было рот, стараясь подобрать слова, когда зазвонил телефон.

Базилеррен сделал знак молчать, отвернулся, прижал трубку к острому уху:

– Компания «Новая Мория» приветствует вас. – Голос стал удивительно серьёзным, в нём послышались обволакивающие бархатные нотки. Уж что-что, а очаровывать Базил умел. – Обычный ящик, ребята, сейчас щебень в такие пакуют. Грузите и увозите! – Тёмный эльф стрельнул лукавым взглядом на остолбеневшего тролля, прикрыл ладонью трубку. – Иди, иди, не мешай мне. И, кстати, о компенсации за монитор можешь забыть.

Марилея примчалась на работу ни свет ни заря.

Она принялась за дело, уговаривая барвинок тянуться и плестись. Вспомнив объяснения ночного знакомого, попыталась почувствовать сродство с дрожащими под пальцами стебельками. То ли они были напоены её собственной магией, то ли рецепт оказался верен, но на мгновение фее показалось, что она чувствует весь пронизанный рассветом сад. Это было потрясающе!

Не менее потрясающе, чем обнимать каменного Серегона, который нёс её домой на руках. Марилея растопырила крылышки, очарованная воспоминаниями. Крепкие и нежные объятия, словно лежишь летом, прислонившись к прогретому камню... О, как это было волнующе! Он такой... мужественный!

Марилея зажмурилась.

Интересно, а он везде такой... каменный? Фея поняла, что её обуревают такие мысли, что перед собой стыдно. Мысли не отпускали, заставляя сердце биться, а грудь распирало желаниями.

Марилея раздвинула нежные малиновые цветы обриетты и опёрлась попкой о длинный деревянный ящик. Фея не помнила, чтобы этот контейнер здесь был раньше, но стилизованные буквы «Вересковые пустоши» над изящными золотистыми ручками намекал, что ящик имеет отношение к тому же офисному комплексу, что и пятьсот цветочных горшков. Наверное, удобрения или что-то в этом роде... Не такое интересное, как большой мужественный тролль с мускулистыми руками и грудью.

– Марилея, милочка, вы сегодня плохо выглядите. – Голос Оиссы разрезал сладкие мечтания секатором реальности. Шефиня приблизилась неслышно, сплетённое из лоз сухошавое тело поблёскивало притираниями и каплями росы. Изысканно.

– Я чувствую себя отлично, – Марилея встала с ящика, отряхнула фартук и вздёрнула носик. Эта стерва просто завидует!

– Хорошо, что вы решили заглядеть вину и пришли пораньше, – царственным тоном продолжила дриада. – Тут кругом беспорядок, на вас нельзя положиться. Я не буду вас штрафовать на полную сумму за то, что вы не сделали часы вовремя – только на двадцать процентов.

– Что?! – таящееся в груди возбуждение выплеснулось наружу. – Штраф? Мне? За что?!

– За то, что выбиваетесь из графика, – поджала губы дриада и повернулась, чтоб уйти.

Марилея глядела вслед сузившимися от бешенства глазами.

Её туфельки! Её туника цвета апрельского цикламена!

Она присела и положила руки на землю. Как учил Серегон. Невидимые токи по влаге и корешкам устремились к удаляющейся надменной фигуре, проникли, опутали ступни.

– А-а-а-а-а! – завизжала Оисса, стараясь оторвать выметнувшиеся из земли корни. – Прочь, прочь! Брысь! – Она хлопала растопыренными ладонями по бёдрам, извивалась и задирала подол. Сзади потрескивало дерево ящика – малиновые цветочки взволновались вместе с остальной офисной флорой.

Марилея расхохоталась. Вероятно, ночь всё-таки оставила тёмный отпечаток в светлой душе феи, но это ощущалось просто потрясающе!

Треск, схожий со звуком рвущейся туники, распорол момент торжества. Марилея обернулась. Сорванная с петель крышка валялась в стороне, из ящика поднималось, сверкая алыми глазами, чудовище.

– С-с-с-солнце! – шипело оно и трясло роскошными ночными локонами. Несмотря на густую тень от воскрешённой флоры, чудовище прикрывало смертельно бледное лицо рукавом чёрного кружевного пеньюара. – Чего разорались днём? И где Базил? Где этот остроухий кобель?

– О, а ты кто такая? – изумилась Марилея. Она была вынуждена признать, что чудовище на самом деле – смазливая брюнетка с вульгарными губами. Но из-за *чудовищного* декольте вполне достойная называться чудовищем и дальше.

– Я Кализена, – брюнетка перестала прикрываться и оценивающе оглядела Марилею. – Ты плохо выглядишь, дорогуша.

Она сунула когтистую ладошку в недра пеньюара, вытащила телефон и нахмурилась.

– Кто бы говорил, – мстительно фыркнула феечка. – Где твой остроухий кобель, потеряшка?

На кончиках её пальцев сплелась искорками магия – Марилея с новыми способностями была готова наказывать всех, кто посмеет её унижать! Однако когда Кализена оторвала алый взгляд от экрана, в нём плескались такие обида и отчаянье, что фея ощутила укол совести.

– Уволили, что ли? – догадалась она и обернулась на всё ещё барахтающуюся в кустах шефиню.

Вампирша проследила за её взглядом и хитро улыбнулась.

– Зато, похоже, тут освободилась вакансия, дорогуша.

И она начала бодро вылезать из развороченного ящика, цепляясь кружевами за торчащие анкера. Вульгарная дрянь.

Марилея потянулась всем уставшим телом и поймала себя на мысли, что уютный ящик для сна – не такая уж плохая замена рабочему дню.

В кармашке блузки светился розовым камень-подарок – а в бутике ждала цикламеновая туника.

– Ты выйдешь за меня замуж? – коробочка была большой, под стать ладони тролля.

– Ой! – крышка откинулась и продемонстрировала две усыпанные розовыми кристаллами туфельки. – Да! Да! Только... – стусевалась фея и захлопала ресничками.

– Только что? – встревожился тролль. Он до последнего не верил, что девушка с волосами цвета розового кварца его любит.

– Только мы будем видеться лишь на рассвете и закате... – пролепетала Марилея.

– А разве не у всех так? – удивился Серегон, стараясь отогнать мысль о том, что скажет оставшаяся в подземельях первая жена... и что скажут дети...

Он поглядел на танцующую, словно лунный луч на волнах, феечку и улыбнулся.

Работа никуда не денется – фея-флористка в паре с троллем способны на многое!

Алексей Лад

Совладелец литературного сайта. Рассказы опубликованы в сборниках «Синяя книга» (2014, «Дятловы горы»), «О любви» (2016, АСТ), «О бабушках и дедушках», (2018, АСТ). Лауреат поэтического конкурса Интернационального союза писателей (апрель, 2017). Дипломант международного литературного конкурса «Большой финал» (поэзия, 2017-2018). Победитель в номинации «Рассказы для детей» международного литературного конкурса «Мой аленький цветочек». Пишу разножанровую прозу, стихи, статьи. Люблю смешивать времена и поколения.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Almond.html>

Наследники

День последний

Очень красивый молодой человек в черном бархатном камзоле и накинутом поверх белом плаще с горностаевой подбивкой стоял на последней площадке Южной башни – той, откуда уходил в небо золотой шпиль.

«Отец думает, что триста замков, заклятых магами, надежная защита? – молодой человек вздохнул: – Глупо. Нет уж, лучше уйти, видя и чувствуя жизнь вокруг. Только бы не было больно!»

Никто и никогда не спасал наследников от неизбежного, придуманные способы приносили лишь разрушения, когда Дракон проламывал двухметровые стены, неся гибель ни в чем не повинным людям.

Юноша снова вздохнул, вспомнив оставленное для отца письмо – официальную его часть, где слова «король» и «ваше величество» ставили преграду нежным чувствам, и приписку, сделанную поспешно: «Папа, я тебя очень люблю, но иначе не могу». Королева-мать не дожидаясь этого страшного дня – и слава Дракону. Верея – ей он не написал ни строчки. Знающий все о своей судьбе, молодой человек с детства сторонился дружбы и любви. Прекрасная дочка герцога и не ведала, наверное, как трепетало его сердце, как только она входила в тронный зал.

Заходящее солнце играло с золотом шпиля, с драгоценными камнями в перстнях и медальоне, разливало и переплетало изумрудные, топазовые, рубиновые линии света.

Принц-наследник не замечал ничего. Золотистые локоны разметались в беспорядке. Взгляд сапфировых глаз с иссиня-черными зрачками, в которых металось сейчас отчаяние, был устремлен вниз – туда, где раскинулся город с обвивающей его голубой рекой, где деревни и хуторки плыли кораблями среди роскошных садов, ухоженных полей и пастбищных лугов, где далеко-далеко синел лес, а еще дальше лишь угадывался великий океан. Мир – такой родной, любимый!

Он знал, что будет видеть этот мир и после неизбежного, но больше не будет собой – никогда. Не будет помнить ни отца, ни Верею, вряд ли вообще мельтешащие внизу люди удостоятся его внимания. Уделом станет одиночество и... небо.

На Северной башне загудел колокол: тяжело, надрывно стал отбивать время. Время рождения принца в день его совершеннолетия. Раз, два, три...

Сапфировые глаза принца наполнились слезами. Восемь... девять... десять...

Нет! Он будет сильным! Только бы не было больно.

Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать!

Молодой человек увидел снижающуюся тень, вздрогнул и застыл. Словно теплые ладони закрыли его прекрасные глаза, прижались. Мир исчез.

И было больно! О, как больно! Как будто мозг пронзили раскаленной иглой золотого шпиля Южной башни. Принц закричал и потерял сознание.

День первый

Тронный зал сегодня не радовал придворных. Радужные стены с выложенной драгоценными камнями мозаикой затянули серой драпировкой, а мраморно-опаловый пол – невзрачным ковровым покрытием. Длинные стрельчатые окна плотно закрыли ставнями, клетки с птицами вынесли в сад, ручной ирбис короля смиренно сидел на цепи, не играясь с разноцветными клубками.

Сам король Решеф XIV застыл на троне, подперев голову левой рукой, и не обращал внимания на разбросанные тут и там фолианты, свитки, перешептывающихся магов и хмурия-

щихся советников. Его длинные седые волосы потускнели и казались непричесанными, лоб прорезали морщины, уголки губ безнадежно упали вниз.

Не замечал он и щедедушного рыжеволосого человека, стоящего на коленях в самом центре тронного зала, словно случайно оказавшегося здесь и не походившего ни одеждой, ни манерами на королевскую свиту.

Человек этот – по имени Мелвин – был обычным торговцем, дрожал от страха и не понимал, почему его позвали в королевский замок.

– Поднимись! – очнулся король, его тяжелый взгляд, обведя всех, остановился на Мелвине. – Ты ведь знаешь нашу беду, не так ли?

Ну еще бы не знать! Беда ведь не только несчастного отца, а всего королевства.

Много веков подряд, в определенное время, рождается Дракон, несущий славу и благоденствие. Великолепный Дракон с сапфировыми глазами – символ свободы и мира. Тысячи людей из разных стран приезжают, чтобы только взглянуть на его полеты, увидеть золотой свет крыльев, а если повезет – найти упавшую с неба чешуйку. Частички ее дороже любого драгоценного камня – но никто вам не расскажет, что они принесли нашедшему. Говорят, что тогда их свойства пропадут.

Эти люди гостят подолгу, оставляя деньги в казне, откуда те щедро раздаются всем нуждающимся.

Никто не знает, где живет Дракон, куда прячется. Он никогда не снижается, не охотится, не бывает в других странах, он просто пролетает иногда над королевством, оставляя в голубом небе радугу и изредка роняя волшебные чешуйки.

Дракон их мира умирает тогда, когда на смену ему рождается новый – молодой и сильный, с такими же сапфировыми глазами и золотом крыльев.

Вот только рождается он...

– Ваше величество, – прошептал один из советников, нарушив тишину всеобщего воспоминания, – может быть, лучше смириться, как смирились ваши великие предки?

– Нет! – кулак короля так ударил по подлокотнику, что один из изумрудов, украшавших трон, выпал из оправы и покатился под ноги Мелвину. – Все мои предки искали выход, все они пробовали возможное и невозможное. И я не смирюсь, пока есть хотя бы одна – последняя надежда, – он посмотрел на торговца так, что у того снова подкосились ноги. – Спаси моего сына! Спаси его, и ты получишь не только богатство, но и благодарность всего нашего мира.

– Как?! Почему я?! – вскричал торговец.

Он сочувствовал и понимал короля, острой иглою горя пронзило сердце – ведь если бы его собственный сын превратился в Дракона – пусть и великого, – он, Мелвин, попросту бы умер. Только чем тут можно помочь? Тем более если ни один из магов не нашел выхода. И никогда не находили! Веками!

Рождение Дракона значило смерть принца-наследника. Все первые сыновья в династии были умными, красивыми – с изумительными сапфировыми глазами, все они были любимыми народом. Проходя по замку, Мелвин не увидел ни одного улыбающегося лица, напротив, даже у слуг краснота век выдавала недавние слезы. Но все первые сыновья отдавали свои глаза, сердце, душу – жизнь – новому Дракону. Королевство наследовали вторые или третьи дети, и никому еще не удавалось даже приблизиться к возможности нарушить древнее заветие.

Король устало взмахнул рукой, приглашая Мелвина ближе. Однако сам пояснять ничего не стал, кивнул одному из магов.

– Мы искали выход еще тогда, когда король и не помышлял о женитьбе. Мы умножили силы, когда юная королева Белисса забеременела, – сказал придворный маг. – Посвящали поиску каждую секунду, каждую минуту. Мы придумали миллионы способов, но ни один из них после тщательной проверки не оказывался надежным. Сейчас, когда до совершеннолетия

принца осталась несколько дней, – глаза мага увлажнились, – мы решили обратиться к Зеркалу Истины.

Торговец вздрогнул. О Зеркале Истины люди знали, как и о судьбе наследника, но легенда гласила, что никто и никогда еще к нему не обращался. Чтобы получить правду, нужна была жертва, и очень большая жертва. Причем добровольная.

– И сколько? – спросил Мелвин, предчувствуя страшный ответ.

– Все, кто в этом зале, – маг обвел теплым взглядом своих соратников – волшебников и советников, – кроме короля. Его величество протестовал, но мы были непреклонны. Да, капля крови каждого добровольно упала на Зеркало, и был получен ответ, однако жертва свершилась – все мы умрем, если принц превратится в Дракона. Правда должна быть подтверждена.

Принц поистине должен быть сокровищем, если ради него столько людей готовы пожертвовать собой!

– И что показало Зеркало? – сглотнул Мелвин и облизал вдруг ставшие сухими губы.

– Сначала мы спросили, какой из наших способов верный, но зеркальная поверхность осталась гладкой. Потом мы потребовали показать выход, который бы устроил всех – но и тут ничего. Тогда кто-то в сердцах молвил: «Кто же нам поможет?», – и Зеркало...

– ...показало меня, да? – прошептал торговец.

– Да.

– Король, великий король! – вскричал Мелвин. – Это ошибка! Я всего лишь торговец, обычный человек, каких много. Я мало знаю, а еще меньше соображаю. Я бы и хотел помочь, но не понимаю, как это сделать! Надеюсь на меня, вы только теряете время. Ваше величество!

Король протянул беспомощно руку, словно просил подаяния:

– Спаси моего сына, попробуй. Зеркало не лжет.

– Нет. Я не знаю. Я глупец! Я ничего не могу сделать! – мысли торговца перескакивали с одной на другую, пытаюсь найти выход из жуткой ловушки, в которую он непонятно как угодил.

Король встал, тяжело оперся на посох, голос прозвучал твердо и решительно:

– Именем короля и всего королевства в присутствии свидетелей я обещаю торговцу Мелвину и его семье благоденствие и почет на все времена, пока будет длиться наше царствование. В случае отказа или неудачи, – небольшая пауза, но продолжил Решеф XIV еще более уверенно, – торговец Мелвин будет казнен как предатель на центральной площади в присутствии всех жителей!

Придворные маги и советники, выдохнув, закачали головами в знак согласия с решением. Мол, пусть и печально, но иначе невозможно.

Маленький Мелвин – хрупкий, бессильный – будто подрос. В мгновение перед его мысленным взором промелькнула вся жизнь, порядочность и гордость не позволили соврать. Рыжие волосы взметнулись и сверкнули в мрачном тронном зале, словно зажженный факел.

– Тогда убей меня прямо сейчас, король! – торговец стукнул себя кулаком в грудь. – Видит Дракон, я не знаю способа, как помочь твоему сыну!

Наступила тишина – глухая, черная, как та беда, которая стала всеобщей.

Король думал долго. Наконец он снова поднялся и сказал очень тихо, словно слова, которые он произнес, могли убить. Да так оно и было.

– Я меняю свое решение. Я по-прежнему обещаю тебе благоденствие и почет, но в другом случае будешь казнен не ты. Будет казнен твой сын. Это равноценные смерти. Я ставлю жизнь твоего сына на одни весы с жизнью моего. Сделай так, чтобы мой сын – жил! – король резко повернулся и вышел из тронного зала.

Придворные охнули, но тут же склонили головы.

Мелвин упал и забился на холодном полу в судорожных рыданиях.

Дни последующие

Покои Мелвину отвели роскошные. К чему роскошь, если скоро все закончится так страшно? Первый день торговец пил беспробудно, пока советники, узнав об этом, не запретили поставлять в комнаты вино.

У дверей маячили два стражника, сопровождавшие торговца даже в нужник. Они не ограничивали его ни в чем, относились вежливо, даже с почтением, но следовали за ним везде.

Никто в замке не был на стороне Мелвина. Даже горничная, перестилавшая постель, шепнула украдкой:

– Спасите принца, пожалуйста! – И только.

Легко сказать. Родное курносое лицо пятнадцатилетнего озорника-непоседы стояло перед глазами. Невозможно, чтобы сына убили. Может быть, следует самому свести счеты с жизнью, пока не поздно? Нет. Король ясно дал понять, что приговор будет отменен только в одном случае – если принц останется человеком. А если убить наследника? Ох, это только ускорит казнь сына.

Мелвин пытался читать древние свитки, вытирая слезы, но они снова и снова лились, заливая пожелтевшие страницы.

На второй день к торговцу пришел принц. Познакомиться.

Через полчаса Мелвин понял, почему придворные без раздумий согласились отдать за него жизнь. Пожалуй, сейчас торговец и сам готов был это сделать, если бы не последнее решение короля.

Вместо того чтобы искать вместе с Мелвином выход как избежать собственной смерти, принц принялся строить планы, как отменить королевскую волю. Обещал любой ценой спасти сына торговца, тайно вывезти мальчика из страны, причем в его огромных сапфировых глазах торговец читал искреннее сопереживание и горе. Казалось, принц не думал о себе вовсе, чем вызывал неподдельное уважение.

Проведя с удивительным молодым человеком целый день и влюбившись в него по уши – не как придворные дамы или служанки, а как если бы воин-мужчина любил своего умного и справедливого полководца, – Мелвин лежал на огромной кровати и уже без слез, с рвением просматривал многочисленные свитки – нынешние и древние, куда были внесены все найденные магами способы.

Вскоре он отбросил их, поняв всю бесполезность поисков. Если ответ Зеркала Истины – правда, то выход должен возникнуть в голове.

Что если смерть других наследников спасет жизнь старшего принца? Убить других детей? У короля еще три сына и две дочери. Невозможно. Ну как это – убить?

Цепи? Толстые стены? Надежные магические замки? Во все века это пробовали – не помогало ничего. Даже в подземных тайниках в итоге обнаруживали Дракона, роющего выход на свободу.

Что если увезти принца в другую страну?! Идея!

Мелвин принялся рыскать по свиткам, но, к огорчению, нашел и этот способ – неудавшийся. Никакие дороги не выпускали принца из королевства.

Может быть, стоит находиться рядом с принцем, увидеть, что происходит, и убить самого Дракона? Но нет – и это пробовали бесчисленное количество раз. Никто не смог остановить превращения.

А если лишить принца сознания? Дать яду, к примеру, который замедляет жизненные процессы?

Или же официально заявить об отречении от престола?

Возможно, свести принца с женщиной и нарушить его девственность?

Нет, нет и нет! Все это уже пробовали. Было!

Что же еще, что?!

Маги могут изменить внешность принца и сделать его сапфировые глаза, скажем, карими? Могут. Ну и что? Дракон видит сквозь магию.

Маги вообще способны превратить принца в какой-нибудь предмет. Да. В одном из свитков рассказывалось, как на месте резной шкатулки обнаружился Дракон, тотчас проломил стены и улетел.

– О! – Мелвин вскрикнул, пораженный собственным открытием. Взялся за свитки, но ничего подобного там не нашел. Тогда он позвал на помощь мага, торопливо изложил свою идею и чуть не заплакал, когда маг уверил, что и этот способ – полное переливание крови – не помог. А Мелвин был готов отдать ее всю – без остатка.

Голова торговца ныла и ныла, мозг работал как сумасшедший, но все было бесполезно.

День предпоследний

Пришел принц. Сапфировые глаза его сияли нежным теплым светом.

Молодой человек сообщил, что поставил отцу ультиматум: если сын торговца будет убит, он прилетит уже в качестве Дракона и испепелит все королевство. Однако мальчик погибнет, а потому на границе ждут верные люди и лошади.

Мелвин еле удержался, чтобы не погладить принца по золотистым локонам. Жене и сыну не удастся обойти стражей.

Все же принц был обычным человеком, а не богом, спросил робко:

– Ничего, Мелвин?

– Ничего, – вздохнул торговец.

– Ты не переживай, ладно? Все будет хорошо, – принц осторожно прикоснулся к его плечу.

Великий Дракон, ну где справедливость?! Этот юноша еще и утешает его, Мелвина?!

– Если ничего не придумается, ты сможешь открыть замки комнаты, куда меня собираются упрятать? – спросил принц.

– Думаю, смогу, – кивнул Мелвин, зная, что замки будут не волшебными, а обычными, – но зачем?

– Если уж умирать... а... то есть переродиться в Дракона, то на свободе. Я бы хотел запомнить мир таким, каким знаю его я.

День последний

Очень красивый молодой человек в черном бархатном камзоле и накинутом поверх белом плаще с горностаевой подбивкой стоял на последней площадке Южной башни – той, откуда уходил в небо золотой шпиль.

«Отец рассердиться, – вздохнул молодой человек. – Он думает, что триста замков, заклятых магами, надежная защита? Глупо. Слава Дракону, Мелвин нашел способ обмануть стражу и открыть засовы. Жалко только, что торговец не нашел выхода, и он – принц – не может спасти его сына. Нет, лучше не думать об этом...»

Только бы не было больно!

Мир – такой родной, любимый! Он знал, что будет видеть этот мир и после неизбежного. Уделом его станет одиночество и... небо.

На Северной башне загудел колокол: тяжело, надрывно стал отбивать время. Время рождения принца в день его совершеннолетия. Раз, два, три... восемнадцать.

Молодой человек увидел тень Дракона, вздрогнул и застыл. Вдруг словно теплые ладони закрыли его прекрасные глаза, прижались. Мир исчез.

И было больно! О, как больно! Как будто мозг пронзили раскаленной иглой золотого шпиля Южной башни. Принц закричал и потерял сознание. В это же мгновение старый Дракон с размаху ударился в башенную стену, ломая крылья.

День первый

Небо было серым, мрачным. Дождь шел уже неделю и не думал прекращаться. Туманные утра сменялись бесцветными днями, а дни переходили в свинцовую тяжесть вечерних сумерек, ночи – черные, беззвездные – опускались пустотой на землю.

Тронный зал тоже был серым, мрачным.

Принц жив! Принц не превратился в Дракона! Известие не принесло радости.

Молчал король, молчали маги и советники, пока тишину не нарушил тихий голос рыжеволосого торговца:

– Ты опустишь меня, король?

Решеф XIV обвел взглядом придворных, словно спрашивал совета.

– Ну, – промямлил один из них, – Мелвин выполнил обещание. Принц жив.

– Какой ценой, – король обхватил голову руками и закачался на троне – безмолвно, страшно.

– Ты не убьешь моего сына? – торговец робко, но настаивал на ответе.

– Убирайся! Видеть тебя не могу! – вскрикнул король и снова уронил голову на руки.

Мелвин брел по замку, сопровождаемый плевками вслед, угрозами и плачем. Душа самого торговца рыдала и корчилась от содеянного, но что он мог? Другого решения не было. Догадка вспыхнула в голове буквально в последние минуты жизни принца. Сапфировые глаза – Дракон!

Мелвин хотел зайти к принцу, но его не пустили.

Торговец брел по городу. Каждый отворачивался от него, никто не захотел подвезти до окраины. Он еще не знал, что родной дом встретит его тишиной и запиской: «Не ищи нас, лучше бы мы умерли».

Мелвин долго бродил по комнатам, осознавая пустоту, тщетно прислушиваясь к дорожным звукам, а потом, ночью уже, перекинул веревку через крепкую потолочную балку.

Король осторожно приоткрыл двери и проскользнул в комнату.

Принц не спал. Горячка уже не мучила его, но лицо все еще было бледным, осунувшимся.

Служка рядом с постелью читал какой-то манускрипт и был прогнан взмахом королевской руки.

– Папа, – сказал принц и застонал, как было все эти дни – наполненные болью и тоской.

Сдерживая бег сердца, король накрыл руку сына ладонью.

– Ничего, сынок, – странно было видеть зашитые веки, под которыми были некогда прекрасные сапфировые глаза, теперь безжалостно выжженные каленым железом. Мелвин нашел способ: не заимствуя удивительные волшебные глаза, Дракон не мог переродиться. Он и не родился – потерял силу, разбился, рассыпался миллионами потускневших безжизненных чешуек. Многовековое заклятие было снято, но какой ценой?! Слепой сын, стонущий от боли, серое небо над королевством. Долгий-долгий дождь...

– Папа, ты не наказывай Мелвина, пожалуйста, – сказал принц, сжимая пальцы короля. – Он же не виноват. У него не было выбора, понимаешь?

Король несколько минут молчал, но все же ответил, не делая паузы в словах:

– Понимаю. И не накажу. Он ушел, сынок.

– Я попробую научиться жить слепым. Наверное... я постараюсь. Кто знает, вдруг однажды наше небо снова прочертят крылья Дракона. Теперь я знаю, папа, Дракон – это все мы: каждый человек, каждый камешек, каждая травинка нашего королевства. Может быть, я найду способ спасти всех нас.

Легенда о живом городе

Сопровождаемый конвоем огромных псов, я преодолел небольшой двор придорожной гостиницы «Чёрный альбатрос» и отворил двери. Тяжёлая сырая портьера, побитая молю, мазнула по лицу, и я чихнул.

«Придорожная» – неверно. Скорее, гостиница «приводная».

Долгие странствия привели в удивительный край, где среди синей глади разбросаны тысячи островов – больших и совсем маленьких. Между ними тянулись причудливые железные мосты и деревянные мостики, но самым верным средством передвижения были всевозможные судёнышки – от торговых красавцев-кораблей до домашних вёсельных плотиков и лодчонок. На одной из таких лодок я и причалил к островку, на котором стояло несколько бревенчатых и каменных жилищ.

Климат прекрасной водной страны не подходил мне. От постоянной духоты, сырости, влажности вперемешку со сквозными ветрами я простыл: в груди саднило, нос распух, глаза резало от яркой синевы пространства, и я постоянно шурился, моргал. Боясь обзавестись назойливыми мелкими жильцами, перестал заплетать косу, – волосы постоянно мокли. Теперь лохмы болтались по спине, выгоревшие до белизны.

– Однако псы у вас, – неопределённо заметил я хозяину – дородному усачу с выдававшей военное прошлое осанкой.

– Послушные, – так же туманно буркнул он. Мол, понимаете, как хотите: то ли на самом деле послушаются – разорвут по приказу, то ли просто ласковые. Судя по хозяину – первое.

– Нет ли у вас пристанища на недельку? – спросил я, выкатив на деревянную стойку пару золотых сэндов. Островок был последний точкой поисков, и я мечтал немного отдохнуть и подлечиться. Слишком уж долго странствовал без длительных остановок, да и поразмыслить – куда идти дальше – тоже не мешало.

Усач ловко подхватил золото, кивнул:

– Ужинать будете, ма'эр? Сегодня был удачный улов, могу разогреть вам поррену под соусом.

– Непременно, а еще горячего вина, если это возможно.

– У нас возможно всё, были бы деньги, – заверил хозяин.

В комнатке я привёл себя в порядок, умылся, стараясь избегать зеркала, но оно блестяло услужливо и отразило потускневший от болезни взгляд некогда ярких, как жёлто-золотой закат, глаз и новые морщинки времени у губ. Накинув сухую куртку с капюшоном, я вышел в общий зал, плохо освещённый свечами да огнём полыхающего очага. В полумраке качались немногочисленные тени за круглыми столиками со столешницами-спилами огромных, растущих на острове баорандов.

– Уединение, ма'эр? – немногословный бывший вояка подал серебряный сосуд с горячим питьём, пока его служка уставлял поднос тарелками с едой.

О, нет! Только не уединение! Много лет я бегу от одиночества по дорогам судьбы, но каждый раз оно настигает, где бы я ни оказался. Видимо, мысли отразились на лице беспокойной тенью, усач кивнул:

– Слушать желаете или говорить?

– Слушать.

– Тогда вам туда, ма'эр. Правда, у нашего сказочника одна сказка на все времена, но вы останетесь довольны.

Он провёл меня в тёплый угол, к очагу, усадил напротив небрежно развалившегося в полукресле мужчины и, более не говоря ни слова, скрылся.

– Вижу, вы издали? – приветствовал незнакомец мою скромную персону. Не называя имени, он протянул руку через стол.

Ну что же, своё имя я давно забыл и уж точно не вспомню ради очередного встречного.

Я пожал горячую ладонь, удобно устроился за столиком, предложив будущему рассказчику бокал вина.

Мужчина сидел спиной к очагу, отчего я не мог толком разглядеть лица. Видел лишь, что он в самом расцвете лет, сильные плечи и мозолистые ладони выдавали человека, немало воевавшего или много трудившегося, волосы коротко острижены, но длинная чёлка закрывала лоб и падала на глаза.

Мало-помалу терпкое и крепкое вино развязало языки, мы разговорились, и очень скоро я смог осведомиться о той сказке, которую посулил хозяин гостиницы.

Собеседник взъерошил волосы, усмехнулся:

– Сказка, говорите? – хмыкнул он. – Нет уж, ма'эр, можете назвать это сказкой или легендой, но то, что я вам поведаю, – истинная правда.

Мне нравился этот человек, нравилась его манера держаться – простая, безыскусная, но свободная, нравился осязаемый внутренний стержень. Я сразу понял, что жизнь нового знакомого не была сладкой и преподносила немало неприятностей, нравился говор, в котором, словно камешки в водопаде, рокотал звук «р», но всё же пожал плечами, сомневаясь.

– Не верите? – мужчина откинулся на спинку кресла. – А если я вам скажу, что сам был очевидцем? И у меня есть доказательства.

Я кивнул, и он начал с вопроса:

– Знаете ли вы о страшной войне, что произошла между Краем Среднелесья и Окоёмом Великой Пустоши пятнадцать лет тому назад?

Я снова кивнул.

– Мне тогда было семнадцать, родителей и всех родственников вырезали в ночь последней битвы. Я чудом спасся. Истекающий кровью, смертельно раненый ядовитой стрелой отец посадил меня на коня, шепнул в лошадиное ухо, стегнул по крупу, и конь понёсся прочь из города в сторону пустыни, где только и можно было схорониться от орды тёмных воинов Среднелесья. Простите, что холодно говорю о случившемся, но вспоминать подробности – трудно и больно, да и не об этом история.

Вот так начался рассказ, который изменил мою жизнь... или... закончил её.

Обученный конь нёс меня по ночной дороге в сторону Великой Пустоши. Вскоре стихли предсмертные вопли жителей Окоёма и радостные – врага.

Я вытер слёзы и обернулся, чтобы попрощаться, как подобает мужчине – с жаждой мести в сердце и достойными словами на языке. Небо над городом пылало заревом пожарищ, на этом страшном фоне металась огромная чёрная тень, клубы серого дыма с запахом горящей плоти настигали меня.

Вот тут шальная стрела с чужим перьём и попала в левую руку, в плечо. Сила её уже ослабла, но всё же наконечник вошел полностью, и я поспешно схватился за древко и выдернул стрелу, зная, что, как правило, копьё смазано ядом. Хлынула кровь, унося отраву, в голове помутилось, и, склонившись к шее коня, вцепившись в гриву, я погрузился в забвение.

Когда очнулся, солнце палило нещадно, конь устал шагал, утопая копытами в песке.

Кажется, мы заблудились. Со всех сторон тянулись цепи дюн, сливающиеся на горизонте с ослепительно-синим, без единого облака, небом. Кое-где в изгибах закрепилась чахлая растительность – там песок спрессовался и потрескался, очевидно, далеко в глубине была вода.

На одной из таких унылых площадок мы и сделали привал.

Вспомнив про седельную сумку, я облизнул пересохшие губы. В ней обнаружилась фляга, до краёв наполненная тёплой водой, чёрствая коврига и кусок твёрдого сыра, огниво, нож,

лечебная мазь, кусок белого полотна и свежая рубаха – обычный запас охотников и воинов, который никогда не забывали обновлять, особенно, в последнее время.

Варвар – так звали любимого отцовского коня, отдышавшись, собирал с песка то ли траву, то ли мох. Я влил ему в глотку немного воды и, тоже отпив чуток из фляги, занялся собой: намазал начавшую гноиться рану, кое-как перевязал полотняной полоской. Из остатков ткани соорудил что-то типа тюрбана, натянул отцовскую рубашку, а своей – запачканной кровью – укрыл голову и шею Варвара, чтобы хоть немного защитить от солнца.

Мы двинулись дальше, не выбирая специально направления, но всё же ориентируясь на островки растительности. Я шёл рядом с Варваром, взбираясь на него, когда совсем уж становилось невмоготу, или когда на горизонте возникали, туманя мозг, миражи роскошных пальм и фонтанов. Великую Пустошь ещё никто не пересекал, никто не знал, что за нею, ходили слухи, что там край земли, конец мира. Я в эти легенды не верил, но от моего неверия ничего не зависело.

Всё чаще мы останавливались в древних руслах давным-давно высохших рек, отдыхали немного и снова шли. Ночью было легче. Вокруг стояла непроглядная тьма, которую не разогнала повисшая в небе луна, воздух становился прохладнее.

Я уже забыл, когда исчезли хлеб и сыр, а вода... Как я ни экономил её, вскоре она заплескалась на дне фляги.

Этой ночью мы брели без единого глотка живительной влаги. Варвар всхрапывал, еле вытаскивая копыта из песка, я шатался, цепляясь за гриву, рана на плече открылась, пропитав повязку кровью и гноем.

Кажется, мы не прошли и мили, но утро открыло страшную картину: растительность исчезла, дюны сменились барханами, которые становились все выше и выше, слышно было, как с крутых боков осыпается песок, нанесённый ветрами. «Только бы не песчаная буря!» – мысль мелькнула и пропала, сменившись равнодушием и апатией.

Смочив пересохшие рты, мы еще полдня перебирались через барханы там, где это было возможно, как вдруг Варвар подогнул ноги и лёг на горячий песок, вытянул морду.

«Ну что же ты, родной? Вставай...» – шептал я, напрасно трогая поводья, конь не поднялся. Бока его ходили ходуном, прекрасные глаза заволокла предсмертная дымка. Оставшаяся вода ничем не помогла Варвару, ночь принесла долгожданную прохладу, но поздно. Конь мучился от удушья, судорога морщинила некогда гладкую, а теперь отвисшую кожу, и я решился...

Не помню уже как, я перерезал Варвару горло, и мой спаситель и друг успокоился навеки.

Напившись тёплой крови и тут же исторгнув её из сжавшегося желудка, я побежал прочь, вскоре упал, но пополз, отчаянно цепляясь за жизнь, которая оставляла уже и меня. Прости, отец... твоему сыну не удастся отомстить...

Я лёг на спину, раскинул руки. Неизбежность огромным диском луны глянула в лицо, и я смежил ресницы, погружаясь в последний сон, в котором почему-то вместо родных лиц возникли пышная зелень деревьев, бьющие струи фонтанов и мороженое с матушкиного ледника.

Судьбе было угодно, чтобы я очнулся, когда солнце начало жечь веки.

Я перевернулся, вскрикнув от боли в руке, открыл глаза: всё те же барханы, но впереди, совсем недалеко, переливался очередной мираж – город, который снился. Вид призрака придал силы, сжав зубы, я пополз в его направлении.

Странное дело, мираж не отдалялся, а приближался, различались кроны за невысокой песчаной стеной, ворота. Разве так бывает? Я не знал ничего об этом явлении, полз и полз, пока не упёрся в песчаную кладку и не понял, что она настоящая. Испытал ли тогда радость? Не помню. Навалившись на ворота всем телом, я распахнул их и свалился на вымощенную камнем мостовую.

Город был пуст, от ворот тянулась единственная, наверное, улица, дома, построенные из камня и песка, зияли тёмными провалами окон. Далеко я не видел: дорогу взору преграждал фонтан, точно такой, какой был во сне – посреди круглой чаши на задних лапах стоял дракон, вот только никаких струй из пасти. С трудом я подполз к фонтану, перегнулся через бортик.

Чудо, на дне была вода! Зеленоватая и затхлая, но вода! Ноги дрожали, когда я плюхнулся в чашу, пил, захлёбываясь, давясь, отдышал и снова пил, не в силах остановиться. Мир поплыл перед глазами, я схватился за бортик, уронил голову и потерял сознание.

Пробуждение на сей раз было приятным. Я лежал в тёмной комнате, на кровати, ощущая всем телом чистоту и свежесть простыни. Кто-то меня раздел и, очевидно, вымыл. Пощупав руку, я обнаружил, что она заново перевязана. Блаженство охватило с ног до головы, и я даже не задумался, чем расплачусь за него.

Кто-то снаружи поднял ставни, осветив комнатку, очень похожую простым убранством на спальню моей матери. Дверь скрипнула, вошла женщина, поставила у кровати поднос на низенький столик, и я сразу же захотел есть, уловив вкусные запахи.

Она взглянула, удивив необычным ярко-жёлтым цветом глаз.

– Вы пришли в себя! Это хорошо, а мы уже думали – не выживете.

Губы, покрытые сухой коркой, словно разучились говорить, но все же я вымолвил:

– Где?..

– У друзей, – сказала женщина, – не волнуйтесь ни о чём. Сначала вам нужно набраться сил.

Милая хозяйюшка целый день ухаживала за мной добросовестно, но, как только дело дошло до горшка, я смутился. «Хоть бы мужчина какой зашёл, – подумал, – а ещё лучше парень, ровесник».

Женщина вышла, и, словно услышав мысли, в комнату влетел юноша примерно моих лет – стройный, гибкий, длинные песочные волосы заплетены в косу, переброшенную на грудь, глаза цвета старой сосновой живицы.

– А я тебе мороженого принёс, – просто сказал он, озорная улыбка осветила его лицо.

Через несколько минут мы уже говорили обо всём на свете, как будто знали друг друга с детства. Необъяснимое понимание, что перед ним можно быть самим собой, охватило до такой степени, что я не скрыл слёз, когда рассказывал о нашествии тёмных воинов и гибели родных.

– Что это? – парень наклонился, провёл пальцем по моей щеке. – Вода... Вода сердца. Я не знал о такой. Как твоё имя?

– Денг из рода Вакарине, а твоё?

Он замешкался, нахмурился, словно припоминал что-то, совсем не относящееся к имени, сказал наконец:

– Мэйю. Просто – Мэй.

Я думал, что уже никогда не буду смеяться – спокойно, безмятежно, но это случилось.

Рана на плече поджила, вернулись силы. Опасаясь ещё бродить под палящим солнцем, я сядил на лавочку в тень широкого навеса у дома, смотрел на город.

Дом стоял на той самой площади с фонтаном, который теперь ожил, раскидывал весёлые звенящие струи прохладной воды и окатывал брызгами с головы до ног.

Наверное, раньше больному сознанию показалось, что город пуст, он был полон людьми – светловолосыми, с глазами жёлтого цвета самых разных оттенков – от слабого песочного, как солнце за облаками, до густого янтарного или земляного. Иногда казалось, что жители города прозрачные – такими тонкими, сухопарыми они были. И женщины, и мужчины, и дети одевались одинаково – в белые безрукавные туники, завязанные на плечах и схваченные на поясах верёвками.

Каждый день приходил Мэй, и мы весело болтали, не будоража уже страшные воспоминания.

Я рассказывал о детстве, он – о городе, снабжая истории такими меткими замечаниями, что я смеялся искренне, от души. Удивительно, его город был похож на мой – прежний. И когда я решился на длительные прогулки, они подарили ощущение узнавания, словно вернулось прошлое и где-то здесь живёт моя семья.

Мы облазили все окрестности. Как мальчишки, пробирались в сады за яблоками или на ледники за мороженым; исследовали песчаные гроты в маленьких пальмовых рощах; охотились на съедобных крыс; глазели в лавчонках; на вечерних посиделках обнимали девушек; помогали Матушке по хозяйству; чинили луки и арбалеты в оружейной – всегда вместе, не расставаясь ни на час. Когда я вспомнил о зверинце, Мэй тут же показал городской – не большой, но очень неплохо устроенный, где самым главным был ручной слон. Я рассказывал о мельнице, и мы шли на край города, чтобы посмотреть, как используют здесь для помола пустынный ветер...

Это сейчас я понимаю, почему так было, а тогда даже не задавался вопросом – откуда в Великой Пустоши город? Что это за страна? Что за оазис посреди пустыни? Почему люди похожи друг на друга?

Не знаю, сколько я прожил в городе, может, месяц, а может, и год. Боль потери и мысли о мести притупились, остались лишь ноющей занозой. Я прикипел всей душой к приветливым горожанам, к спокойной размеренной жизни, а более всего – к Мэю, который стал не только другом – родным человеком, заменившим погибших братьев. Сжималось сердце, когда я думал о возможной разлуке с ним, хотя был уверен, что Мэй последует за мной, куда бы я ни направился.

Мы и выглядели, как братья. Мои скулы обострились, как у него, некогда тёмно-медные волосы выгорели до желтизны и отросли, и я заплетал их в косу. Ресницы тоже посветлели, лишь цвет глаз – синий – не могло изменить никакое солнце.

Сестра Мэя, близняшка, пришлась мне по сердцу. Не часто она приходила с далёкой окраины города, но всё же мы подружились, и однажды я прикоснулся к её губам своими. С тех пор она иногда оставалась на ночь, и долгожданная прохлада растворялась в жарких объятиях.

Я окончательно решил остаться, понимая, что на месте моей маленькой страны найду лишь выжженную землю. Так оно потом и оказалось.

Но все заканчивается... рано или поздно.

Однажды я проснулся до утра. Присутствие спящей рядом Мэйи, укутавшейся в простыни, – жительница пустыни не переносила холода, – обожгло радостью. Обычно она уходила до моего пробуждения. Глядя её волосы, раскинувшиеся по подушке, и тихонько трогая улыбающиеся во сне, чуть припухшие губы, я вспоминал ночь: тонкие пальцы, касающиеся кожи, то ласкающие, то царапающие, дразнящие; дыхание на двоих в плену глубокого поцелуя, когда в голове не остается ни одной мысли – лишь дымное марево любви; твёрдые острые соски под моей ладонью и трепет сердец – рядом. Я знал – Мэйя станет моей женой. Мы проживем долгую счастливую жизнь в окружении наших детей. Вспыхнувшее желание заставило припасть к её губам теперь уже не осторожно, а властно, требовательно...

Между ночью и днем в Великой Пустоши нет даже минутного промежутка. Луна исчезает, а на её место, словно стражник при смене караула, стремительно взлетает солнце.

Когда я оторвался от ответивших страстно губ, золотые лучи проникли сквозь щели ставень и залили комнату, отразились искрами в янтарных, уже не сонных глазах.

Это была не Мэйя, это был Мэй.

– Где Мэйя? Что ты здесь делаешь?! – процедил я, не найдя других слов, вскочил с кровати, натянул одежду, скрывшую ещё не прошедшее возбуждение.

Он недоумённо сдвинул брови, будто не понял вопроса, приподнялся на локтях:

– Я всегда тут был.

– Всегда? Что это значит? – я попятился к двери, и Мэй заметил это движение.

– Подожди, Денг! Это же я, Мэй, всё вокруг – Мэйя, Матушка, лавочник и оружейник, даже слон в зоопарке – это я. Какая разница...

Я слушал и не слышал Мэя, слова не укладывались в голове, рассудок отказывался понять происходящее.

– Я думал, ты давно всё понял. Здесь нет никого, кроме тебя и меня.

Этого я уже не мог вынести. В безумстве выбежав из комнаты, бросился в кухню, к Матушке, но её не было, на площади перед домом тоже ни одного человека. Где же все? Где?

– Где? – крикнул уже Мэю, который выскочил следом, не одевшись. – Ты убил их? Всех? – я ударил его в грудь, и он упал, ударился о мостовую, камень под его руками рассыпался, превратившись в обычный песок.

– Денг, – прошептал он, – я же твой друг, Денг, я всё делал только для тебя, всё, что хотел ты. У меня никогда не было друга. Никогда. У городов не бывает друзей, Денг, но ты есть. Я же ничто без тебя, я люблю тебя...

Его шёпот – сухой, прерывистый – был невыносим.

Я ринулся к воротам, распахнул створы. Расплавленные солнцем бока бесконечных барханов на мгновение ослепили, но я сделал шаг вперёд, в пустыню... и ещё один... и ещё...

– Нет! Денг, не уходи. Денг!

Кажется, он плакал. Я обернулся и не узнал города.

Мэй брёл за мной, увязая в песке. За его спиной рушились, оседали все теми же барханами дома, лавочки, деревья, возникли на секунду и тут же растаяли в жёлтом дыме Матушка и Мэйя, оружейник и мельник, лишаясь рук, ног, смешиваясь с песчаной пылью бывшего фонтана, затрубил слон и рассыпался зёрнами блестящего кварца.

Да. Он плакал. Если это можно так назвать. Песок сыпался из глаз Мэя, будто слёзы, но он не был человеком, а песок – настоящими живыми слезами.

– Вернись, Денг, я же хотел как лучше. Только для тебя! Я всё сделаю, что ты скажешь! Я весь мир подарю тебе, – голос Мэя звенел и таял, догонял меня, как когда-то вражеская стрела.

– Ты обманул меня! Ты лжец! – я побежал по твёрдому песку что есть мочи.

Наверное, можно было вернуться и выяснить всё до конца. Но тогда в моём сердце ожили другие картины: разрушенного родного города, мёртвых и умирающих любимых людей. И на то, как Живой Город теперь убивал снова все, что стало по-настоящему дорогим – на это я смотреть не мог.

Издали уже я обернулся ещё раз – последний.

Ничего не было, только барханы... и Мэй. Занесенный до пояса песком, он кричал, но слов я не слышал, увидел лишь, как поднялась его рука и словно сломалась, осыпалась.

Я не знаю, как выжил, ма'эр, наверное, вечерняя звезда моего рода осветила дорогу судьбы. И не помню, как выбрался, как оказался в незнакомых краях за Великой Пустошью. Там не было конца мира – там начинался новый мир.

Позже мне удалось побывать на родине. Обогнув Пустошь с наёмным караваном, я увидел пустую выгоревшую растрескавшуюся землю, поглощаемую песками, на которой не было ни росточка. В Среднелесье тоже. По непонятной причине исчезли и враги.

Я вернулся, но именно здесь был теперь край мира...

Мы надолго замолчали. Уютно потрескивали поленья в очаге, вино по-прежнему оставалось тёплым, но в сердце уже впиалась ледяная игла отчаяния. Наконец я вымолвил:

– Денг, вы сказали, что у вас есть доказательства?

– Я преувеличил немного, но рассказал правду. Вы, ма'эр, тотчас поймёте, что такие вещицы наши мастера не делают, – он протянул маленький гребень, сияющий всеми оттенками спрессованного кварца.

Я не взял, только кивнул согласно.

– Вы любили Мэя?

– Любил, – не задумываясь, ответил Денг. – Но я был молод и не понимал тогда, что его дружба спасла меня. Мы ведь стали родными. Братьями не по крови, а по судьбе.

– Но вы не искали его. Почему?

Вот тут человек по имени Денг замешкался, помолчал немного, упёршись локтем в столешницу, положил ладонь на лоб.

– Зачем, ма'эр? – глухо сказал он. – Я до сих пор не знаю – что он такое. Мужчина или женщина, мираж моего рассудка или слепок моей души, жизнь или небытие, фантазия или реальность. Живой город, созданный для меня и разрушенный моей глупой волей.

– Но...

– Даже если бы я не видел, как Мэй исчез в песке, – перебил он, – всё равно бы не искал его.

– Почему же? – повторил я.

– Потому что однажды я уже возвращался домой и смог лишь поцеловать выгоревшую землю, наполненную пеплом родных людей. Пусть уж второй дом останется хотя бы в воспоминаниях.

Я встал, зашел ему за спину, положил руку на плечо.

Денг обернулся, и при свете очага я увидел синие глаза.

Несколько долгих секунд мы смотрели друг на друга: я – понимающе, он же – приняв это понимание за сочувствие постороннего человека.

Отодвинув тяжелую пыльную портьеру, я вышел на крыльцо, глотнул прохладный воздух ночи. Легкий бриз уносил в сторону воды запахи рыбы и стряпни. Залаяли и смолкли псы, отдыхавшие на берегу после жаркого дня, вытянув лапы на мокром песке.

Вернуться или уйти?

Исчезнуть или остаться?

Закончена жизнь или нет?

Единственный человек, которому я когда-то поведал о себе, доверился, Денг не узнал меня сейчас.

Я искал его, с каждым шагом от пустыни гася искры собственной жизни.

Денг никогда не искал меня. Он возвращался на родину, но не понял, что это я уничтожил его врагов.

Он никогда не поверит, что я – живой.

Денг рассказывает легенду обо мне каждому встречному.

Что-то произошло с глазами. Я провёл пальцами по щеке, ощутив влагу.

Слёзы сердца... так вот что они такое...

Татьяна Виноградова

Биолог по образованию. Закончила Московский Университет, работала в Главном ботаническом саду РАН, защитила диссертацию, позже перешла работать в школу. Писать начала после окончания ВУЗа, но потом надолго отошла от этого увлечения и вернулась к нему лишь сравнительно недавно. Кроме художественных текстов, пишет научно-популярную литературу. Принимала участие в написании книги для детей «Алиса в стране наук» (Д. Баяк, Т. Виноградова, К. Кноп, издательство МИФ, 2017 г.)

Профиль на Сinem сайте: <https://ficwriter.info/moj-profil/userprofile/1356.html>

Форель по-бадвардски

«Ар-р! О, Великий Волк!»

Аррых отвернулся, всем видом показывая, что спорить больше не намерен. Он трусил рядом, брезгливо поджимая лапы и сморщив нос так, что белые клыки длиной никак не меньше пальца влажно поблёскивали в лунном свете.

Аррых не любил город. Слишком много запахов. Слишком много людей. И самое главное: всё время, проведённое в городе, он будет выглядеть как собака. Собака! Бело-чёрная, лохматая! И в ошейнике. Как он ни возмущался, Таррин была непреклонна и скрыла истинный облик своего спутника с помощью простенькой иллюзии.

Эльфийка Таррин коротко вздохнула. Все доводы она уже высказала, к тому же приравниваться к вроде бы неспешной рысце варга было совсем не так просто, как казалось со стороны.

Да и вообще, спорить о том, заходить ли в город, когда уже идёшь по предместью, как-то глупо.

– Это ненадолго, – всё же сказала она. Аррых промолчал, то есть – не послал в ответ никакой мысли. Варги не могли говорить на языке эльфов или людей, что с лихвой возмещалось их способностью к мысленной речи.

Широкая дорога пологим зигзагом поднималась в гору. По обе её стороны тянулись сады. Ветви яблонь и черешен перевешивались через шершавые сланцевые стены, и на шелестящих листьях, почти чёрных в полумраке, плясали лунные блики. Кое-где между деревьями проглядывали строения, сложенные из того же грубо обработанного сланца. Впереди, там, где склон огромного холма становился круче, дома сдвигались теснее, а ещё выше холм венчала зубчатая стена внутреннего города.

– Ворота наверняка уже закрыты, – произнесла эльфийка. – Мы заночуем там же, где в прошлый раз, а в город войдём на рассвете.

Варг затормозил так резко, что Таррин сделала не меньше двух шагов, прежде чем остановилась и обернулась.

– Что...

«Слушай!»

Где-то сверху коротко взвыла и зашлась лаем собака. За ней другая, третья... ближе и ближе. Шерсть варга вздыбилась, и одновременно Таррин уловила нечто, от чего по коже пробежал озноб.

Топот ног, тонкий свист крыльев, и крик – такой высокий, что услышать его почти не удавалось, получалось лишь ощутить, как звук ввинчивается в кости.

Таррин завела руку за спину, и пальцы сами нашли стрелу с тремя зарубками.

Вопль, взметнувшийся к тёмному небу и оборвавшийся через два удара сердца, заставил эльфийку сорваться с места. Аррых нёсся рядом.

Захлопали крылья, высокий клич сменился скрипучим, клекочущим хохотом. Жертва неизвестной твари снова закричала, захлебнулась потоком невнятных, жалобных звуков. Дорога повернула, и Таррин наконец увидела.

Над чем-то, казавшимся стонущей кучей тряпья, взлетал и падал сгусток крошечной тьмы, яростно вскрикивая при каждом ударе. Мелькали, высвечиваясь серебром, то острый клюв на звериной морде, то лапы с серповидными когтями. Со стороны городских стен приближался свист ещё одной пары крыльев.

Таррин, не раздумывая, оттянула тетиву и выстрелила. И второй раз – на звук, развернувшись к невидимой цели.

Две яркие вспышки почти слились. От двух хлопков – словно ударились друг о друга огромные ладони – заложило уши. Сверху валились хлопья жирной сажи. Аррых вытянул морду, принюхался и чихнул.

«Чем это ты их?»

– Солнечными стрелами, – Тар наклонилась над трясущимся, словно в припадке, человеком. Где-то хлопнул ставень, раздался голоса. – Пока от этих помощи дождётся, дюжину раз умрёшь.

«Ничего, сейчас набегут».

– Вот и хорошо. Сдадим с рук на руки. Незачем нам вмешиваться в людские дела.

Человек приподнялся. Таррин видела узкое, белое от страха лицо, не очень чистое, с близко посаженными тёмными глазами.

– Д-добрая госпожа... Не... Не стоит, – человек прикусил губу, чтобы удержать прыгающий подбородок, и всхлипнул. – Мне н-надо идти.

– Повернись, – мягко попросила девушка, ощупывая повреждения. Раны были не опасны, но их было много, и они обильно кровоточили. – Если я не остановлю кровь, ты обессилеешь. И боль я сейчас сниму.

Незнакомец затих и не сопротивился, когда Таррин начала снимать с его спины окровавленные лохмотья, в которые превратились куртка и рубашка. Только крепче сжал висевший на шее футляр. Таррин он не мешал.

«Это называется “не вмешиваться в людские дела”?»

– Ну не могу же я просто уйти.

– Спасибо... спасибо, добрая госпожа! – должно быть, человек решил, что Таррин разговаривает с ним. – Мне уже лучше. Н-не... не стоит тратить на меня силы и время вы... высокогородной.

Кажется, когда-то он получил достойное воспитание, но растерял манеры из-за потрясения, а теперь постепенно успокаивался.

На место происшествия между тем никто не торопился. Вечерний воздух пах свежестью, голоса смолкли, даже собаки затихли. В саду за стеной застрекотали цикады.

– Мне не хватает света, – Таррин нахмурилась. – Послушай, тебе обязательно надо обработать раны как следует. Здесь неподалёку есть постоянный двор, где мы... где я рассчитывала остановиться. Там найдётся и горячая вода, и ткань для перевязки.

– Я бесконечно благодарен, высокородная госпожа, – на этот раз спасённому незнакомцу даже удалось обозначить поклон, – но уверяю, мне намного лучше. Неподалёку живут мои друзья, они окажут требуемую помощь.

Голос незнакомца сорвался, он нервно облизнул губы. Запах крови от его одежды не мог перешибить запаха страха.

«Он говорит одно, а думает другое, – Аррых подтвердил сомнения Таррин. – Пусть идёт. Что-то тут не то, и это «не то» – не наше дело».

– Хорошо, – Таррин отстранилась и выпрямилась. – Если ты уверен, я не буду настаивать.

Она встала, касаясь неровной стены пальцами, и подобрала заплечный мешок, который сбросила перед тем, как стрелять. Незнакомец тоже поднялся, неуклюже поклонился и заковылял прочь.

– Пойдём, – теперь, когда её не видел посторонний, Таррин позволила себе опереться о холку варга: лечение вытянуло силы.

«Опять переусердствовала? Давай дойдём до того трактира, а потом я кое-куда сбегая. Как-то мне неспокойно».

Таррин потянулась. Во дворе раздавались голоса, лязгнула сбруя, всхрапнул и переступил ногами конь. Даже в полудрёме эльфийка ощущала, что утро уже не раннее, но тело не желало просыпаться. Вчерашние события вспоминались словно сквозь дымку.

«Ты не спишь».

Тар перекадилась на бок и приоткрыла глаза. Вчера, оставив девушку отдыхать в комнате над знакомым трактиром, варг перемахнул через подоконник и скрылся, а вернулся так тихо, что она не проснулась. Никакой опасности девушка не ощущала. И всё равно – в чужом месте не следовало быть такой беспечной.

Аррых – серебристо-серый, громоздкий – вытянулся во всю длину поперёк комнаты. Лобастая голова покоилась на мощных лапах, заканчивающихся чёрными когтями. Глаза цвета тёмного янтаря были полуприкрыты, но Тар не обманывала кажущаяся расслабленность.

«Уоу! Вставай скорее. Купим то, что тебе хотелось – и прочь отсюда!»

– Ладно-ладно. Ох... И давно ты выглядишь, как варг? Сейчас...

Таррин села и потёрла лицо ладонями. Восстановление иллюзии требовало усилия и внимания. Покончив, девушка потянула к себе колчан и пробежала пальцами по хвостовикам стрел. Конечно, ни одной солнечной там не осталось – две вчерашние были последними.

– Теперь запас пополним только дома, – с досадой признала она. Секрет изготовления солнечных стрел не был ведом людям, да и из эльфийских мастеров не каждый за это брался.

«Если поторопимся – это будет уже сегодня. Ты думаешь, они нам понадобятся до вечера?»

– Надеюсь, что нет, – Тар фыркнула, встала и начала собираться. – Не каждый день на тебя падают сверху непонятные твари.

Чтобы попасть на улицу, следовало сойти в зал и пройти его насквозь. Вытертые ступени отзывались скрипом на каждый шаг. Когда Таррин спустилась до середины, стоявший за конторкой трактирщик поднял голову от толстой тетради. Был он плотный, широколицый, с носом, теряющимся между полных щёк.

– Уже съезжаешь, сударыня эльфийка?

Тар не разобралась, чего было больше в его голосе – облегчения от того, что крупный пёс, сопровождавший девушку, перестанет распугивать посетителей, или сожаления, вызванного тем, что вместе с постоялицей его дом покинет и приятно позвякивающий на её поясе кошель.

Выйдя на улицу, девушка свернула в сторону городских стен и вскоре присоединилась к толпе, медленно вливавшейся во внутренний город через широкие, окованные полосами меди ворота.

«Смотри!»

Варг подёргал эльфийку за рукав. Неподалёку от ворот стояла старуха. Волосы её были такими же серыми, как шаль, концы которой она перебирала пальцами.

Другой рукой женщина опиралась на высокий дощатый ящик, поставленный на колёса. На его крышке было разложено то самое, ради чего Таррин сделала крюк по дороге домой – серебристые крупные рыбины в сплетённой из соломы обвязке. Знаменитая форель по-баварски. Дома такой не делали. Эльфы предпочитали запекать рыбу и сохранять магией, не опускаясь до извергающих дым коптилен в своих лесах. Возможно, это и было правильно, но запах от людской стряпни шёл умопомрачительный.

Видимо, старая женщина не захотела платить за рыночное место, и не прогадала – время от времени то один, то другой путник подходил к торговке, отдавал пару медных монеток и уносил кусок рыбы на круглой лепёшке. Варг склонил голову набок и вывесил язык.

«То самое! Бери сколько надо, и уходим!»

– Нет-нет-нет. Разве ты не знаешь: у людей так не принято. Надо походить по рынку, сравнить, выбрать...

«Таррин – Ревнительница Традиций?» – варг чихнул и потёр нос лапой.

– Не смейся! Первая рыба лучшей не бывает.

За воротами дома стояли ещё теснее. Оголовки печных труб хвалились друг перед другом узорчатой кладкой, водостоки украшали каменные головы с разинутыми ртами, змеи или тритоны. Грубые поделки, – думала эльфийка, – и всё же нарядные.

Наконец стены раздались в стороны, и открылась площадь. Ближняя её часть была занята городским рынком, дальняя же представляла собой пустое пространство перед Ратушей, вымощенное всё той же сланцевой плиткой.

Таррин легко нашла рыбные ряды. Живая, вяленая, солёная, маринованная, копчёная на ольховых, вишнёвых, кленовых, яблоневых углях; рыба всех пород, простецкая рыбёшка к пиву и сочащиеся жиром, молочно-светящиеся ломти, какие не стыдно подать и на королевский стол – глаза разбегались, обоняние ловило то терпкие, то изысканные ароматы, руки сами тянулись взять кусочек, заботливо подносимый торговцем.

Девушка медленно продвигалась от одного прилавка к другому. Она отведала форель уже в трёх местах и как раз направлялась к четвёртому, как вдруг её внимание привлекло слово, не имеющее никакой связи с рыбой.

«...варги. Точно тебе говорю! Кому ещё, кроме этой погани? Раны такие, словно с него мясо ломтями резали».

Таррин резко развернулась, но толпа уже отёрла говорившего.

– Аррых, ты слышал?

Низкое клокотание, вырвавшееся из глотки варга, заставило шарahnуться проходившего рядом разносчика фруктовой воды.

Теперь Таррин ясно ощущала скрытую враждебность то одного, то другого, лёгкое напряжение, страх, ловила взгляды, пробегавшие по ней и её спутнику и тут же гаснущие в напускном безразличии.

«Остроухая!»

Таррин снова повернулась – и тут же рванула с плеча лук. Толпа подалась в стороны, взвизгнула женщина.

Тарр отчаянно зашарила пальцами за спиной, похолодела, вспомнив, что ни одной солнечной стрелы не осталось, и с острой тоской понимая, что не успевает.

На башенке, украшавшей ратушу, на фоне сизого неба чётко вырисовывался острый профиль твари из ночного кошмара – с львиными лапами, хищно загнутым клювом и сложенными на спине крыльями.

А через мгновение раздался хохот.

Гулко ухал краснолицый торговец за прилавком. Заходился в смех разносчик, опустив на землю корзину с глиняными сосудами. Скалили зубы и кривлялись мальчишки. Хихикала, прикрываясь кокетливым платком, служанка.

– Ох, сударыня, – произнёс торговец. – Да ты, никак, наших химер за живых приняла? Хороши, правда?

– У нас рассказывают, – подала голос служанка, – что они когда-то и были живыми. Святой Элмарт – основатель Бадварда зачаровал их и посадил на стены, чтобы стерегли город.

– Ну, это, положим, сказки, – торговец почесал в затылке. – А только прежние мастера – не чета нынешним рукожопам, и работали на совесть. Ну и лицо у тебя было, сударыня эльфийка! О-ох! – и он снова захохотал. Таррин, всё ещё смущённая, едва нашла силы поблагодарить весельчаков, прежде чем двинуться дальше.

– Великий Свет, мне ведь, правда, показалось...

«Но она и в самом деле точно такая, как вчерашние, – рассудительно отозвался варг. – Ты не хочешь рассмотреть поближе?»

Вблизи было видно, что статуя очень стара: камень выветрился, и Таррин с её острым эльфийским зрением различала даже тонкие трещины, разбегавшиеся от короткой уродливой лапы – словно кто-то когда-то метнул туда булыжник.

– И правда, химера. Когда-то они жили в этих краях, но даже мой отец уже их не застал. Они враждовали со всеми – с эльфами, людьми, варгами... Со временем их становилось всё меньше и меньше. Говорят, небольшая стая долго доживала дни в южных горах, но потом и они исчезли. Этим статуям, должно быть, немало лет.

Приятель двинулся в обход ратуши, то и дело поглядывая наверх. Вдоль свинцового жёлоба на приземистых кубических основаниях обнаружили сёстры первой статуи. Каждое изваяние чем-то отличалось от других – хвосты, лапы, морды, клювы словно были надёрганы из разных наборов и слеплены друг с другом наобум.

«А здесь одной не хватает».

– Неудивительно. Удивительно, что они вообще сохранились. Смотри, вон там тоже пустое место.

Они обошли ратушу и обнаружили, что и с задней стороны здания не хватает нескольких фигур.

«И всё же эти две исчезли недавно».

Теперь Таррин тоже видела: края двух кубов светлели свежими сколами, словно изваяния убрали оттуда только вчера. Она пожала плечами:

– Это совпадение.

«Не думаю».

– В любом случае, мы должны сообщить о том, что видели вчера, кригсхеру Бадварда, – задумчиво признала девушка. – Ты видишь, эти люди чем-то напуганы и готовы свалить вину на...

«На привычного врага, – подсказал варг. – Не вмешиваемся в людские дела?»

Стражник, мающийся в полной броне у дверей, сообщил, что его милость изволит отсутствовать, когда будет обратно – неизвестно, где его искать – «а вот это, сударыня эльфийка, не моего ума дело». Звучало это как «и не твоего тоже», но Таррин не успела пустить в ход властность эльфийской Высокородной – воин внезапно подобрался. Девушка проследила за его взглядом.

К ратуше стремительными шагами приближался мужчина, одетый в неброский зелёный камзол. Невысокий, светловолосый и тонкокостный, он ничем не выделялся из толпы. Его движения были лёгкими и экономными, одежда – не стесняющей движений. Мужчина подошёл ближе и остановился, вскинув голову и глядя на Таррин внимательно, с лёгким прищуром: смотреть ему приходилось против света.

Двое спутников светловолосого – старик в широкой хламиде неопределённого цвета и плотный человек средних лет с лукавыми глазами и круглым добродушным лицом – несколько запыхавшись, подошли следом и тоже остановились. Аррых вытянул морду и принялся.

– Приветствую тебя, Таррин, дочь Дарондила, – произнёс светловолосый. – Это очень удачно, что ты ищешь меня, потому что я ищу тебя. Я – Филиберт Хорст, кригсхер этого города.

Кригсхер, как знала Таррин, назначался королевским указом на срок не более года; на деле же это означало, что в конце каждого года он совершал путешествие в столицу для того, чтобы лично отчитаться перед его величеством и почти наверняка получить назначение на следующий год. Ведал он охраной закона и порядка, а в случае войны – сбором ополчения, прочие же дела оставались в ведении городских старшин.

Помещение, куда Таррин прошла следом за Хорстом, должно быть, служило тому кабинетом. По крайней мере, дальний его угол занимал стол, на просторах которого одиноко поблес-

кивала бронзовая чернильница. Кригсхер предложил Таррин кресло и занял второе, старик в хламиде выдвинул для себя табурет. Аррых лёг рядом и немедленно сделал вид, что спит. Толстяка, представленного Таррин как Иоганн Мелсбах, в комнате не было – он испросил дозволения удалиться сразу после того, как был представлен эльфийке, и Хорст отпустил его коротким кивком, показавшим Тар, что тот отправился выполнять полученные ранее распоряжения.

– Итак, – произнёс Хорст, сводя вместе кончики пальцев и откидываясь на спинку кресла, – давайте вместе выстроим последовательность событий. На рассвете в западной части города было обнаружено изувеченное тело. Раны наводят на мысли о зубах и когтях, а не о ножах и кинжалах. Ночью поблизости видели громадного волка. Варга, если быть точным. А накануне вечером в южном предместье остановилась некая известная нам обоим эльфийская дама, которая путешествует в сопровождении гигантского пса.

Он замолчал и перевёл взгляд на Аррыха. Таррин ждала.

– Высокородная Таррин, я ведь не ошибусь, если предположу, что под личиной собаки скрывается варг? – вежливо продолжил Хорст. – И что именно твоего варга видели добрые жители Бадварда?

Аррых приоткрыл жёлтый глаз и воззрился на кригсхера.

– Это не «мой варг», – перевела Таррин. – Это мой друг.

– Да, несомненно, – согласился Хорст. – Тем не менее, это был он?

«Вчера я прошёл по следу того человека, – сообщил Аррых. – Он привёл меня на закатную сторону холма. Там человек зашёл в дом. Я думаю, дом не жилой. Все запахи совсем холодные. Почти все, – честно добавил он. – Там было... что-то непонятное. После этого я вернулся. Может, меня и видели».

– Мне не нравится вывод, к которому ты меня подводишь, – холодно сказала Таррин, решившая, что рассказ о ночных похождениях варга скорее запутает дело, чем прояснит. – Ни я, ни Аррых никого не убивали прошедшей ночью. Наоборот, вчера мы стали свидетелями странного нападения.

Пока девушка в красках пересказывала подробности, Хорст всё больше и больше мрачнел, а когда она дошла до сравнения неизвестной твари с химерами, нетерпеливо забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Ты ставишь меня в трудное положение, высокородная, – скривился он наконец. – При всём уважении, как я могу поверить в явление тварей из древних легенд, когда очевидное объяснение находится прямо передо мной? С другой стороны, если я задержу для допросов дочь короля горных эльфов и её спутника, боюсь, меня ожидают некоторые неприятности, – он позволил себе усмехнуться одними уголками губ. – С третьей... да, третья сторона тоже есть... Как ты знаешь, твой отец заключил некоторые соглашения, и одним из его условий было прекращение охоты на варгов. А настроения добрых горожан так переменчивы. Вчера они рукоплескали посольству твоего отца, сегодня же оказывается, что звери, которых взяли под защиту эльфы, разгуливают по улицам и режут ни в чём не повинных людей... Понимаешь?

– Не совсем.

– Всё очень просто. Если *ты* убила этого человека, у тебя, вероятно, были на то серьёзные основания. Я не хочу доводить до крайности. Но – одновременно – я хочу понимать больше, чем сейчас. И я должен предоставить убедительное объяснение добрым жителям города. Так что же произошло *на самом деле*?

– Ты хочешь сказать, что я... – ледяным тоном начала Таррин, но тут же оборвала себя. Не это было важно. – Подожди, но ведь вполне может быть, что речь идёт о двух разных людях.

Кригсхер энергично кивнул.

– Это легко проверить.

– И второе: пытаюсь узнать, что происходит *на самом деле*, ты отбрасываешь одну из возможностей лишь потому, что она не кажется тебе достаточно правдоподобной.

Старик, о котором двое благополучно забыли, шевельнулся на скрипнувшем табурете.

– Может, старые легенды не врут... – пробормотал он.

– Бертольд, в числе прочего, наш архивариус и знаток преданий, – Хорст изобразил нечто вроде лёгкого поклона.

– Я слышала на рынке о зачарованных химерах, охраняющих город, – сказала Тар. Старик приосанился.

– Согласно легенде, когда стены Бадварда были возведены, Святой Элмарт отправился в горы и отсутствовал три месяца и три дня. Когда же он вернулся, его сопровождали ужасные создания – химеры. Их уродство превосходило самые страшные ночные кошмары, но твари кротко подлетали по зову святого и брали корм из его рук. Достигнув города, твари расселись по башням и укреплениям и обратились в камень. Позже, когда стены перестраивали, химер перенесли, и теперь они украшают ратушу.

– Ты веришь в это?

– Трудно сказать, госпожа. В старых книгах много расхождений. Кто-то считает, что фигуры изваял ближайший сподвижник Элмарта – Хельмут Шварц, другие же говорят, что они были привезены Элмартом из заморских краёв. Как бы там ни было, статуи химер – наша гордость, и даже на гербе Бадварда изображена химера.

– Вы можете договорить по дороге, – мягко прервал его Хорст и решительно поднялся, меняя тему:

– Ты хотела выяснить, является ли убитый тем же человеком, которого, по твоим словам, тебе удалось спасти вчера вечером? Думаю, нам пора уже на него посмотреть.

Выйдя из кабинета вслед за Хорстом, они оказались на узкой галерее, окружавшей Зал собраний. Стены были обшиты панелями из тёмного дерева – двое юнцов в одинаковых синих куртках как раз натирали их воском. Человек постарше, в такой же одежде, делал заметки на восковой табличке, время от времени отвлекаясь, чтобы сделать мальчишкам замечание. При появлении кригсхера все трое поклонились.

– Кстати! – оживился Бертольд, указывая на массивную плиту, вделанную в стену. – Вот ещё один дивный образец старой работы. Этот барельеф изображает тот самый герб, о котором я говорил, высокородная госпожа. Мрамор был привезён самим Элмартом из-за моря, из города Милье, но резчики работали бадвардские. Глаз химеры выполнен из цельного топаза.

Голубой камень тускло поблескивал в глазнице крылатой твари. Изображение вышло очень живым. На морде застыло выражение яростного торжества. С клюва свисал клочок паутины.

– Вряд ли высокородная госпожа сможет оценить по достоинству оттенок мрамора, пока он скрыт пылью веков, – меланхолично заметил Хорст. – Это, случайно, не твой недосмотр, милейший? Или эта пыль такая древняя, что убирать её – кощунство?

Мертвецкая находилась совсем неподалёку, в здании городского суда. Здесь же, в подвале, размещалась и лаборатория судебного мага. К удивлению Таррин, им оказался круглолицый Иоганн. Он уже был здесь: отмерял и взвешивал щепотки растёртых в порошок трав и время от времени помешивал тёмно-болотную жижу в медном котелке, водружённом на треногу. При появлении процессии он отодвинул весы и ловко снял посудину с огня.

Заклятие Сохранения – простенькое, но действенное – до некоторой степени замедляло разложение. Этому же способствовал и холод, пробиравший до костей. И всё же сквозь густой аромат трав пробивался едва уловимый запах тлена и как будто ещё один – сладковатый, с примесью горечи и пыли. Аррых напрягся, хвост его вытянулся поленом. Он потянул воздух носом и фыркнул.

«Вот этот запах», – передал он.

– Который? Здесь их много, – едва слышно пробормотала Таррин. Кригсхер покосился на неё, но смолчал.

«Не понимаю».

Аррых пришёл в возбуждение. Он челноком пробежал по помещению, обнюхал мертвеца, затем сунулся к Иоганну – тот опасливо отдернул руку – к Бертольду и даже к Хорсту.

«Не понимаю. От мёртвого тоже так пахнет. И от толстяка».

Таррин подошла к массивному каменному столу, и Мелсбах сдернул грязноватую простыню.

Тело лежало ничком. Спина представляла собой бурое месиво, голова держалась на лоскуте кожи. Девушка не считала себя чрезмерно чувствительной, однако с трудом удержала вскрик.

– Переверните его, – сдавленно попросила она.

Иоганн, придерживая голову мертвеца, приподнял его, словно огромную нелепую куклу. Левая часть черепа была сплющена, лицо – искажено гримасой ужаса, и всё же сомнений не было.

– Это тот самый человек, – сказала Тар и отвернулась.

В наступившей тишине раздавалось сиплое дыхание Иоганна, где-то капала вода.

«Соберись! Посмотри. Он упал с высоты».

Таррин глубоко вдохнула и выпрямилась. Как-то вдруг оказалось, что чувства остались извне, а она – Таррин, дочь Дарондила – была внутри хрустальной сферы, пропускавшей звуки и образы, но отсекавшей всё, мешающее думать.

– Посмотрите на него, – твёрдо сказала она. – Его откуда-то сбросили. Вот эти ушибы и переломы – видите? Это не от зубов и когтей. Вы говорили о трупе в западной части города, а там нет ни старых каменоломен, ни обрывов. Откуда же он упал? И ещё. Вчера при нём был футляр. Зачем он варгу?

Хорст повернул голову к Иоганну, молча приглашая того высказаться в свою очередь.

– Всё готово, господин кригсхер, – тихо сказал тот.

«Готово к чему?»

Внезапно Тар поняла:

– Они собираются допросить мертвеца, – едва слышно пробормотала она.

– Именно, милостивая госпожа, – по-прежнему тихо отозвался Иоганн.

Он проверил ладонью, насколько горяч котёл, и бросил туда отмеренную заранее порцию трав. Над котлом взвился фиолетовый пар. Пар становился гуще, его клубы окутали тело. В лиловой мгле мерцали серебристо-голубые разряды, воздух в помещении посвежел.

– Великий Свет!

Таррин впервые присутствовала при таком действе: некромантия не входила в число наук, практикуемых её народом. Да и у людей... Попробовал бы проделать такое обычный добрый горожанин – живо отправился бы в каменоломни, добывать сланец во славу города Бадварда. Страх колкими искрами пробежал по коже, ладони девушки вспотели.

Мертвец шевельнулся.

Изломанное тело собиралось, двигалось. С сухим щелчком встала на место плечевая кость. Глаза, лишённые мысли, открылись.

– Спрашивай же, – севшим голосом поторопил Хорст.

– Твоё имя?

Голос Иоганна, неожиданно звучный, заполнил зал.

– Фабиан. Меня зовут Фабиан.

Голос покойного оказался сиплым – совсем не таким, как запомнился Таррин. Девушка стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Фабиан, а дальше?

– Фабиан... Фабиан...

Мертвец замолчал, словно у него кончились силы. Веки опустились.

– Спроси же, кто его убил!

Толстяк даже не повернул голову. Казалось, он удерживает умершего взглядом, не давая ему упасть. Левой рукой он безошибочно выхватил новую порцию растёртых трав и бросил в котёл. Дым усилился, затем начал медленно рассеиваться.

– Кто тебя убил?

Мертвец покачивался, его глаза так и не открылись вновь.

– Кто тебя убил?

– Варги! Это были варги!

Тело с глухим стуком упало на стол. Потрясённая Таррин молчала.

– Всё, – Иоганн вытер лоб рукавом. – Больше ничего нельзя сделать.

«Нет!»

Рык Аррыха заполнил голову девушки. И, безотчётно, она тоже крикнула:

– Нет!

– Слова мертвеца имеют больший вес перед законом, госпожа, – буднично сказал Хорст.

Он направился к двери, распахнул её и остановился, показывая, что ожидает Таррин. Ошеломлённая эльфийка последовала за ним.

– Даже если это сделали варги, господин, – внезапно сказал Бертольд, – ничто не указывает на то, что именно наши гости виновны в этом злодеянии. Мертвец не указал конкретного виновника своей смерти.

– Это необычно, – задумчиво проговорил кригсхер. – А ты не поддаёшься впечатлению? Но формально ты прав. Госпожа, я настоятельно прошу тебя не покидать город. Разумеется, я проверю твои слова. Если твои солнечные стрелы работают так, как ты описываешь, заметишь вспышки могли многие.

Он пропустил Таррин и Аррыха вперёд и направился к лестнице. Бертольд следовал за ним.

Круглые часы на ратуше пробили четыре. Солнце стояло ещё высоко, но уже не было таким злым. Таррин поняла, что она устала и проголодалась. Бертольд направился к ратуше, Хорст раскланялся с эльфийкой и ушёл, прихватив с собой десяток стражников.

«Что теперь?»

– Мы что-то упускаем, но я не понимаю, что, – призналась Таррин, провожая взглядом спину кригсхера. – Мне хочется посмотреть на тот дом, о котором ты говорил. И на место, где нашли труп. Может, это наведёт на какие-то мысли. И на химер – правда, для этого надо забраться на крышу ратуши, – девушка фыркнула.

«Тогда начнём с последнего пункта, – заметил варг. – Это ближе. Давай догоним Бертольда, он-то как раз способен понять интерес к древностям».

Они подошли к дверям ратуши, и Таррин потянула за медную ручку, изображавшую – ну конечно! – очередную химеру.

– Олухи! Бездельники, недотёпы культапые! Как, ну как это могло случиться! Что, здесь нет ни одного, кто мог бы просто – просто! – смахнуть пыль? Да вам за всю жизнь не рассчитывать за этот урон! Какое горе, какая невосполнимая утрата!

Бертольд, всклокоченный, словно только что пытался выдернуть последние волосы, насканивал на переминающегося парня в синей куртке. Второй тщетно пытался укрыться за массивной деревянной лестницей на колёсах. Пол был усыпан сверкающей голубой крошкой.

Таррин посмотрела вверх. Химера на гербе таршилась пустой глазницей. Теперь, когда в ней не было камня, стали видны серебряные крепления, удерживавшие его ранее.

– Разве этим недоумкам понять, что они натворили? – продолжил Бертольд, обращаясь к эльфийке. Та наклонилась и подняла один из осколков.

– Не стоит ругать этих несчастных, – произнесла она. – Ведь это всего лишь витрум. Окрашенное стекло, – пояснила она, видя, как ошарашен собеседник. – Очень хорошей выделки, так что, вероятно, когда-то оно стоило дорого. Сейчас такое изготавливают везде.

– Так вот почему... – потрясённо начал Бертольд и тут же оборвал себя. – Ты уверена?

– Посмотри на форму осколков, почтенный. Можно проверить и другим способом, – Таррин вынула из уха серёжку с зелёным камнем. – Изволь убедиться: топазы намного твёрже берилла, и, если бы это был настоящий камень, он оставил бы царапину.

Бертольд посмотрел, как девушка проводит осколком по украшению, затем попытался поцарапать оконный витраж – и со вздохом бросил осколок на пол.

– Как неприятно разочаровываться в том, что считал истиной, высокородная госпожа. Но ты ведь пришла не за этим. Могу ли я чем-то помочь?..

Попасть на карниз оказалось несложно. Узкие окна башенок возвышались над крышей средней части здания. Таррин пересекла чердак, пустой и пыльный, и распахнула окно. Аррых следовал за ней.

Вблизи статуи оказались гораздо массивнее, чем думала эльфийка. И очень, очень тщательно проработаны. Там, где поверхность не была повреждена временем, можно было рассмотреть самые мелкие детали. Каждое перо на крыльях. Шерстинки на морде. Складки век.

– Удивительно, – Таррин подошла поближе и положила руку на голову статуи. – Можно подумать, что... Аррых!

Клюв твари, морду, когти покрывали бурые пятна.

«Кровь. И пахнет кровью».

Таррин почувствовала, что дрожит. Нет, дрожь рождалась в глубине статуи. Тварь напрягалась, силилась преодолеть каменную неподвижность.

– Аррых, ты тоже чувствуешь?

«Да».

Таррин опустилась рядом со статуей.

Рядом с живой, яростной, скованной заклятием химерой.

– Столько веков, – изумлённо выдохнула она. – Сидеть здесь и...

«И мечтать вырваться?»

– Да.

«И, возможно, отомстить?»

Действительно. Ненависть сочилась из камней, наполняла воздух. Таррин чувствовала, что задыхается.

– Тот, кто позволит летать им хотя бы изредка, станет... желанным избавителем?

Варг лёг, вытянув морду.

«Ненадолго, – философски заметил он. – Снова летать... и каждый раз вновь обращаться в камень? Очень скоро они начали бы ненавидеть его ещё сильнее, чем ненавидят сейчас... тех, кого ненавидят».

Таррин провела пальцами по длинному когтю.

– Ты прав. И что же делать?

«Выпусти! Выпусти!»

Это не была мысль варга. Этот голос раздавался не как камнепад. Скорее, как тихий гул далёкой лавины, как едва слышный шёпот бури, бушующей далеко.

– Ты слышал? Слышал?

«Да».

Таррин покачала головой.

– Если вас выпустить, вы уничтожите город, – сдавленно сказала она.

Удар ярости был так силён, что свинцовый жёлоб, опоясывающий карниз, задрезжал.

– Как? Как можно вас выпустить?

Ярость утихла.

«Амулет, – простонало то, что сидело внутри неподвижного изваяния, – уничтожь амулет! Мы сделаем что угодно. Мы сделаем тебя богатой. Мы выполним всё, о чём попросишь. Только выпусти. Освободи».

– Какой амулет?

Ответом был то ли стон, то ли вой, и, сколько Таррин ни спрашивала, ничего не добились. То ли химера не знала ответа, то ли не могла его дать.

Таррин встала. Солнце зашло, поднимался ветер. Становилось холодно.

– Пойдём, Аррых, – сказала она. – Кажется, здесь мы узнали всё, что могли.

В кабинете кригсхера горели свечи. Сквозняк шевелил тёмную портьеру, словно за ней прятался невидимый зверь.

– Я должен извиниться перед высокородной, – сокрушённо произнёс Бертольд. – Я умолчал об одном поверье, которое показалось мне важным в свете происходящего, ибо таков был приказ кригсхера...

– Дело в том, – прибавил последний, – что мне хотелось сперва проверить твой рассказ. Вой собак, крики, вспышки света – всё это подтвердилось. Жители рассказывают и о свисте крыльев, и о странном клёкоте. Права ты и в том, что беднягу Фабиана совершенно неоткуда было сбросить там, где было найдено тело.

Бертольд энергично кивнул и продолжил, словно его не прерывали:

– Поверье же, о котором я умолчал, гласит, что топаз, сидящий в глазнице изображения, даёт власть над химерами. Несколько лет назад мы с почтенным Иоганном даже пытались проверить, так ли это. Мы вынули камень и отнесли на крышу. Но, сколько мы ни подносили кристалл к изваяниям, ни он сам, ни химеры не проявили себя, и я решил, что это всё-таки миф. Когда же оказалось, что разбившийся камень – подделка, я вновь вспомнил о легенде. Тот, который мы испытывали, не был подделкой! Он был гораздо тяжелее стекла. Вероятно, мы просто не открыли способ его пробудить. А следы крови на статуях добавили уверенности, – Бертольд пожал плечами.

Мелсбах в задумчивости прошёл по кабинету и отодвинул портьеру, словно проверял, не подслушивает ли кто-то. Небо за окном слабо светилось – луна вот-вот должна была взойти.

– Остался суший пустяк, – с досадой произнёс кригсхер. – Найти похитителя и вернуть кристалл.

– Думаю, мы с Аррыхом начнём с того места, до которого ему удалось проследить Фабиана, – предложила Таррин. – Есть ряд способов, с помощью которых мы, эльфы, можем пройти по следу творившего магию. Каждое магическое воздействие имеет свой цвет, запах и вкус. Мне понадобятся некоторые ингредиенты... Они помогут обнаружить след, даже если он очень стар.

– Есть и другое направление поисков, – сказал Хорст, – но им удобнее заниматься мне. Покойный Фабиан был членом воровской гильдии. Возможно, кто-то из его круга может что-то знать. Но всё это тоже завтра. Почтенный Мелсбах, а что скажешь ты?

Иоганн повернулся от окна. Даже в свете взошедшей наконец луны видно было, насколько он бледен.

– Мне есть что сказать, – произнёс он и провёл языком по губам. – Я знаю, где камень. Я не хотел спешить, но вы подошли слишком близко.

Аррых вскочил, из его горла вырвалось низкое рычание. Мелсбах ударил по створке окна, и оно распахнулось. В лунном свете блеснуло голубое.

– Забери своего пса, – взвизгнул колдун. – Иначе...

Воздух наполнился хлопанием крыльев. Клекочущие химеры снижались, зависали над подоконником, врывались в открытое окно. Свечи погасли.

Аррых прыгнул.

Мелсбах взмахнул руками, отброшенный мощным толчком. Камень, выпавший из его ладони, с сухим стуком покатился по полу.

Мелькнули ноги толстяка в щегольских башмаках. С криком, от которого у Таррин заложил уши, он перевалился через подоконник. Клёкот перешёл в яростный клич, крылья забили громче – тело, подхваченное химерами, поднималось всё выше. И в тот миг, когда Таррин, оправившись от потрясения, подхватила с пола голубой кристалл, хищные твари выпустили свою жертву.

Таррин протянула руку к окну, заставив лунный свет играть на сверкающих гранях.

– Вернитесь, – приказала она. – Вернитесь и послушайте мою волю.

И, когда химеры, толкаясь и клекоча, опустились рядом – на пол, на стол, на подоконник – закончила:

– Летите домой, в свои горы. И будьте свободны.

– Постой, – не успела Таррин опомниться, Хорст выхватил камень и поднял его высоко над головой. Девушка замерла.

– Зачем, кригсхер? Их нельзя оставлять здесь, – она старалась говорить как можно убедительнее. Как объяснить Хорсту, что он совершает ошибку? – Разве ты не понял? Аррых! А ты? К её изумлению, варг нагнул голову и вывалил язык в волчьей улыбке.

– Маленькое дополнение, высокородная, – произнёс Хорст. – Летите, но помните: камень остался у нас. Любая, кто захочет вернуться, займёт своё место там.

И жестом указал – где именно.

Свечи оплыли. Наступал рассвет.

– Ты перепугал меня, – призналась Таррин, отпив из бокала глоток вина. – На один страшный миг я решила, что ты собираешься оставить химер в городе.

– Это было бы слишком опасно, – ответил Хорст. – Если бы кто-то в будущем завладел камнем, он мог бы сотворить много бед. Но и уничтожать амулет нельзя: боюсь представить, что сделали бы твари с городом, который так долго держал их в плену. Возможно, мы всё же уничтожим кристалл, но сделаем это в глубокой тайне. Оставлять потомкам такое наследство?

– Значит, ты понял!

– Да. Святой Элмарт связал химер закланием и подчинил кристаллу. Они, покорные его воле, брали еду из рук господина, а люди принимали это за преданность и кротость.

– Какая мерзость, – сказал архивариус и, помолчав, добавил: – Я не знал только того, что магия кристалла просыпается лишь в лунном свете. Когда мы с Мелсбахом испытывали камень, стоял день.

– Мелсбах по роду службы имел дело с разными людьми, – кригсхер пожал плечами. – И с мертвецами, если уж на то пошло. Ему стал известен секрет амулета. Дальше просто. Мелсбах подрядил Фабиана выкрасть для него кристалл. Не знаю, почему он не рискнул взять камень сам. Фабиан должен был спрятать добычу в футляр и ни в коем случае не доставать, пока не передаст Мелсбаху, но вор, должно быть, не утерпел, заглянул внутрь и показал камень луне. Футляр мои люди нашли в доме Мелсбаха.

Он достал футляр из кармана, перебрал Таррин и продолжил:

– Получив топаз, Мелсбах призвал химер и приказал убить вора. Испытал амулет и заодно избавился от опасного человека.

– Одного я не понимаю, – Бертольд поднял брови. – Почему химеры напали на Фабиана в первый раз? Ведь кристалл был у него.

– А я не могла понять, почему не почувствовала, что у Фабиана находится предмет такой магической силы, – отозвалась Таррин. Она сосредоточенно ощупывала футляр и даже заглянула внутрь. – Но этот футляр запирает магию. Делает помещённые внутрь магические предметы неощутимыми. Это ответ на оба вопроса.

Хорст рассмеялся.

– Наш друг Иоганн знался и с контрабандистами! Я рад, что доверился тебе. Если бы даже Мелсбах не запаниковал, наутро тышла бы его по магическому следу.

Таррин покачала головой.

– Нешла бы, если бы Мелсбах не сделал какой-нибудь глупости. У людей это называется «блеф». Магический след остывает быстро, и ходить по старым следам не умеет никто.

– Ты почувствовала, что кристалл у Иоганна? – с любопытством спросил кригсхер. – И поэтому догадалась, да?

– Нет, – Тар рассмеялась. – Этот амулет никак не проявляет себя уже сейчас, спустя три часа после использования. А Мелсбах воспользовался им почти сутки назад. Так что дело в другом.

Фабиан обвинил в своей смерти варгов. Но ведь колдовал над ним Иоганн! Вот почему я его заподозрила.

«И запах», – напомнил Аррых.

– И запах, – сказала Таррин и, видя недоумение собеседников, пояснила:

– Возле дома, до которого Аррых проследил Фабиана, пахло теми же травами, которые Иоганн использовал для поднятия мертвеца. Запаха самого Иоганна возле дома не было. Должно быть, он приходил туда каким-то другим путём. Это не был дом самого Иоганна – тот был очень осторожен. Однако признайся честно, если бы я высказала тебе наши с Аррыхом подозрения – кому бы ты поверил: эльфийке с варгом или тому, кто находился рядом с тобой многие годы?

Улицы уже начали заполняться людьми, когда Таррин и Аррых наконец прошли через ворота внутреннего города.

За воротами варг остановился.

«Мы забыли про рыбу».

– Не беда, – Таррин кивнула. Старуха в серой шали стояла на прежнем месте.

«Надо было сразу покупать у неё», – укорил варг.

– Ну что ты! Когда отказываешься от выбора – жизнь становится куда менее красочной, – и Таррин направилась к старухе, на ходу развязывая кошель.

Алёна Коновалова

Технарь по складу ума с высшим техническим образованием; работаю проектировщиком. Любительница лис и лошадей, манги и аниме, ценитель культуры Японии и Китая. Почитатель творчества Стивена Кинга и Мьевиля Чайны.

Пишу мрачное фэнтези и фантастику. Нежно люблю стимпанк и киберпанк. Создаю всевозможные миры, которым в рассказах тесно. Своих героев до безумия люблю, оттого они постоянно страдают.

Писать начала совсем недавно; говорят, что выходит неплохо. Известна в сети под ником Alizeskis.

Профиль на Сinem сайте <https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/Alizeskis.html>

Запах трав

Скакать во весь опор – лететь подобно птице. Раскинуть руки, словно крылья, и, кажется, можно взмыть высоко-высоко. Туда, где парит орёл, где облака прогуливаются по голубому небосводу. Ах, почему я всего лишь кентавр, а не птица?

Ноги мерили дорогу, будто ленту сматывали. Я скакал, рассекая грудью кустарники, перепрыгивая овраги и поваленные деревья. Земля влажная и мягкая после осенних дождей. Брызги с травы остужали тело, разгорячённое от бега. Солнце играло зайчиками на шкуре. Путался ветер в волосах, дёргал тяжёлый хвост. Белые пясти потемнели от влаги и грязи.

Светлые копыта отбивали оземь ритм сердца. Я играл в догонялки с тенью. Глаза щипало от встречного ветра. Четырнадцать лет от роду – я полон сил и уверенности в удаче. Ещё овраг. Прыжок! Взметнувшийся фонтан из холодных капель и грязи обжёг горячие ноги. Мышцы гудели от напряжения.

Ещё один овраг, большой и глубокий, но и его преодолею. Ускорился. В два вдоха покрыл расстояние до крутого обрыва.

Раз. Два. Три!

Оттолкнувшись, взлетел, раскинув руки, как крылья! Счастье. Бешеный восторг! Время растянулось, медленно-медленно ползло, словно по сосновому стволу капля смолы. Приземлился, задние ноги всё-таки сорвались с края. Страх кольнул сердце. На мгновение, не более. Я отказался признаться в этом.

Копыта взрывали мягкую землю. Лес становился гуще, пришлось сбавить темп, но всё равно я скакал быстро. Мелькали деревья, сливаясь размытым коричнево-зелёным месивом. Спутанная длинная трава обвивала ноги, кривые корни норовили поставить подножку.

Короткий металлический лязг я едва расслышал. Боль вспышкой пронеслась по телу. Дыхание перехватило, в глазах потемнело. Рухнув на всем скаку, встать уже не смог. Нога не слушалась: правую переднюю словно разом отняли, всю целиком, от плеча.

Я приподнялся и... страх ледяным клинком вонзился в сердце. Капкан? Так глубоко в лесу? Там, где металлические зубья врезались в пясть, кровь сочилась, капала наземь. Между пластин торчали сломанные кости. Попытка освободиться закончилась провалом. Я едва не потерял сознание, совсем чуть-чуть сдвинув обод.

Паника расползлась по телу, словно мороз суровой зимней ночью, рыдания тугим комом распирали горло. Осознание пришло не сразу. Шок. Невозможно! Только не со мной! Я лежал, плакал от бессилия, от невыносимой пытки. Бесконечно долго. Пробовал позвать родной табун, но напрасно: они слишком далеко. Крик запутался в кронах деревьев. Незнакомые звуки и запахи подступили со всех сторон. Страшно и одиноко. И больно. Дико больно!

О чем я мечтал, лёжа на стылой земле, когда тело сводило судорогой, а слёзы ещё не выплаканы? О смерти или спасении? Если придут люди, думал я, убьют, не задумываясь. Суеверные. Они издревле считали кентавров порождением тёмных сил, демонами, что приносят беды. Убивали – и убивают – едва представляется возможность. Может и этот капкан поставили, чтобы поймать кентавра?

Я верил и не верил в свою смерть. Четырнадцать лет – совсем юность для кентавра. Отцу почти два века исполнилось, и это далеко не старость. Он – вожак табуна. И я им должен был стать...

С сумерками, что медленно окрасили небо в алые тона, пришла промозглая сырость. В лесу разом потемнело и похолодало. Я никак не мог унять дрожь. Обнимал себя за плечи, подбирал задние ноги – пытался хоть как-то согреться. Дыхание паром вырывалось из сухих губ. Казалось, что мир вокруг то замирал, то резко приходил в движение, чудились шаги и

разговоры. Людские ли или это духи на своих языках переговаривались – непонятно. Сознание плыло. Я то проваливался в дремоту, то выныривал в стылую багровую темноту, ослеплённый вспышкой боли.

Жар, бред, лихорадка – в таком плачевном состоянии он и нашёл меня.

– Эй, – голос раздался рядом, но при этом показался ужасно далёким, – ты жив?

Я разомкнул слипшиеся от слёз ресницы. Он стоял близко, загоразивая малиновое вечернее небо. Силуэт, не более.

– Пить, – я прошептал, давясь сухой горечью.

– Вот, держи.

Зубы выбили дробь о горлышко фляги, а челюсть свело судорогой. Я слишком ослаб, чтобы поднять голову. Он помог – и живительная влага тонкой струйкой потекла по губам. Я старался не упустить ни капли, жадно глотая, словно последнюю надежду. И в результате подавился.

– Не торопись. Не всё сразу, будет только хуже, – обеспокоенный голос совсем рядом. – Больно?

Боль... Я давно уже ничего не чувствовал. Всё тело – сплошная боль. Попытка сказать «да» закончилась провалом, голос не слушался – пришлось кивнуть, едва заметно, но этого оказалось достаточно. Спаситель опустил на корточки у капкана, нахмурился. Зрение немного прояснилось, и я смог его разглядеть. Он не старый, но и не ребёнок. Рыжие волосы торчат во все стороны. Лицо... Я неосторожно приподнялся, чтобы лучше его рассмотреть, и в глазах потемнело.

– Не двигайся, – он говорил тихо, спокойно. – Я попробую снять капкан. Будет очень больно, но ты не двигайся. И так слишком сильно ногу повредил.

Парень просунул пальцы между ободами капкана и, натужно пыхтя, немного разжал их. Кровь хлынула из того месива, в которое превратилось пясть. Слёзы брызнули из глаз. Я закричал и невольно дёрнулся от ошеломляющей боли.

– Терпи! – последовал жёсткий окрик.

Ещё попытка. С громким лязгом капкан раскрыл пасть.

Отбросив железяку, парень осмотрел изувеченную ногу.

– Нехорошо... Кость сломана, – он осторожно коснулся страшной раны. – Так что бегать, друг, скорее всего, больше не сможешь.

Что? Я отказывался верить. Думал: может быть, я ослышался? В голове шумело, так что вполне вероятно...

– Думаю, что смогу тебя вылечить, если доверишься мне.

Человек предлагает помощь? Мне. Кентавру!

– Согласен?

«Соглашаться?» – я медлил. Жить без радости бега. Стать изгоем... но жить. Смерть страшила больше. Выбора не осталось. В противном случае я не выкарабкался бы, умер, словно бестолковый крольчонок. Страшно. Люди – враги кентавров! Мысли вихрем скакали в голове. Тяжело.

Человек между тем промыл рану водой из фляги, вправил кость (я едва не оглох от собственного крика) и нанёс мазь. Она принесла облегчение, окутала прохладой горящую ногу, к которой рыжий примотал бинтами длинную ветку.

– Можешь думать, – сказал он и со стоном выпрямился. – Сегодня мы всё равно никуда не уйдём. Тебе нужно отдохнуть и выспаться. Боль вскоре должна утихнуть. Не против, если я разведу огонь? Уже стало зябко.

«Что он задумал? – думал я и не мог довериться человеку. – Не может быть, чтобы он просто так помог».

– Ты замёрз, – не вопрос, утверждение. Он отошёл к ближайшему дереву, где, судя по всему, оставил вещи. Немного повозившись, вытащил объёмный свёрток. – Я как знал, что пригодится, – расслышал смешок.

Он накрыл меня тёплым одеялом. Сразу стало легче. Тепло. Сонливость навалилась подобно волне, я удерживал глаза открытыми. Боль, потеря крови, тяжёлые мысли истрепали разум. Рана горела, хотя боль утихла, растеклась жаром, но окончательно уходить не собиралась.

– Больно, – простонал я в полудрёме.

Лежать на боку было тяжело, мышцы одеревенели от сырого холода, но едва пошевелившись, вновь всхлипывал:

– Больно...

– Не волнуйся, пройдёт, – ободряюще говорил парень.

Он развёл костерок. Свет резал глаза, от этого выступили слезы. Живое тепло приятно согрело продрогшее тело. Я задремал, а он невольно потревожил лёгкий сон:

– Прости, – произнёс он тихо, – можно я сяду рядом? Одеяло у меня одно, а в лесу по ночам дико холодно, – покраснел. Я это видел, несмотря на неровный свет костра.

Страшно? Нет, я слишком устал, чтобы бояться. Кивнул и приподнялся. Он замялся, сел, подобрал ноги. Накрыл свои и мои плечи.

– Прости, – прошептал рыжий, – но это пока всё, что я могу сделать. Тебе нужно поспать. Завтра предстоит долго идти, дома я смогу лучше позаботиться о твоей ране. Если ты, конечно, согласен.

Он сидел совсем близко, и от него тянуло теплом. А ещё острым и пряным запахом, словно от букета целебных трав. Почему-то рядом с ним я почувствовал спокойствие. На его лице не было злобы, только сочувствие и сонность. Он потёр глаза, размазывал по скуле грязь, а возможно и кровь – я не различил. У него грубое лицо, добрая улыбка и карие глаза, в которых плескалась надежда на сон.

– Зачем? – Мне было важно знать.

– А как же иначе? Ты же мог умереть! – он искренне удивился.

– Но... люди ненавидят нас.

– И что? Меня односельчане тоже терпеть не могут, потому что боятся, считают колдуном. А я всего лишь знаю больше, чем эти слепцы и остолопы.

Он рассказал о себе. Изгой, что живёт в одиночестве далеко от деревни. Хоть селяне и питают неприязнь к колдуну, приходят за помощью, когда прижмёт беда.

– А я умею готовить лекарства, знаю о травах почти всё, – он тоскливо улыбнулся. – Так что не мне тебя ненавидеть.

– Прости.

Он вёл себя иначе, чем другие люди, которых я мог вспомнить. Он оказался добрым, открытым, он заботился и беспокоился обо мне. Тяжело признавать, но я был благодарен ему. Буду благодарен до конца жизни.

Он едва не клевал носом. Не понимая, что делаю, я устроился головой на его коленях. Сон пришёл через тепло и запах трав... целый букет.

Повреждённую правую ногу Дольф – так его звали – утром согнул и перевязал, закрепив половиной толстой ветки. Он знал своё дело, уверенно наносил лечебную мазь и бинтовал ногу. Действовал умело и уверенно.

Весь день мы шли. Дольф помогал мне и поддерживал, когда я терял равновесие. Медленно ковыляя на трёх ногах, я опирался на его плечо, невольно перенося весь вес.

– До ночи мы не успеем добраться, – сказал он под вечер. – Заночуем в поле.

Мы снова спали рядом, под одним одеялом у небольшого костерка. Запах трав дарил чувство умиротворения и защищённости.

– Скажи, – спросил он следующим днём, – а как тебя зовут? Твоё имя, я до сих пор не знаю его.

– Элиас, – прошептал я.

– Красиво, – улыбнулся Дольф.

Он рассказывал в дороге забавные истории, пытаясь отвлечь и повеселить. А обо мне не спрашивал. Только имя.

– Элиас, ты... боишься? – спросил он. Идти оставалось недолго, деревня показалась на горизонте.

– Да, – чуть помолчав, произнёс я.

Прошло больше двух дней, я не мог с уверенностью сказать, что перестал бояться. «Он человек!» – и для меня этим всё было сказано. Недоверие к людям навсегда останется у кентавров в крови.

– Прости. – Я отвернулся, пряча глаза и покрасневшее от стыда лицо.

– Ясно. Я не могу требовать от тебя доверия.

Тогда я почувствовал укол вины. Столько всего произошло в эти дни: едва не умерев, я получил шанс на спасение.

– Да не переживай, я прекрасно понимаю, что тебя гложет. Будь настороже, тогда проживёшь дольше, – он засмеялся. Так легко и непринуждённо, что и я невольно тоже улыбнулся.

Далеко за полдень, когда солнце склонилось к закату, небо потемнело, и прохлада вместе с невесомым туманом потянулась из ближайших лесов, он указал на темнеющий впереди ряд домиков.

– Мы почти пришли. Но нам не туда, – повёл пальцем вдоль горизонта вправо. – Вон там, за лесом.

– Ты живёшь далеко от сородичей? – удивился я.

– Меня считают колдуном.

Он говорил, говорил, говорил... Как ни странно, это успокаивало. Дольф одинокий, но общительный, открытый и добрый, словно жеребёнок.

Ещё до заката мы шли до жилища Дольфа, что на опушке ютилось под раскидистой сосной. Его дом показался мне крошечным: одна комната с земляным полом, провисшей крышей, маленьким оконцем и покосившейся хлипкой дверью. Из мебели только кровать и стол с единственной табуреткой. Небольшая печь в углу, почти чёрная из-за сажи.

– Если ты не против, я постелю тебе соломы. Кровать не выдержит кентавра.

Он улыбнулся. Дольф постоянно улыбался. Озорная, смущённая или грустная – улыбка украшала его лицо. А ещё рябые крапинки на носу и щеках – Дольф словно рождён солнцем. И лугами: от него веет теплом и травами.

Он помог мне устроиться на соломе, мягкой и ароматной. Усталость от длительного перехода дала знать: глаза слипались. Прислонившись спиной к нагретой от печи стене, я наблюдал, как Дольф готовил очередную порцию лекарств. Его длинные пальцы порхали над мешочками, коробочками, склянками, таскали щепотки, смешивали, растирали... Даже завораживающе.

– Так! – он резко развернулся, я вздрогнул. – Всё готово!

Дольф поставил на пол у моей подстилки миску с зеленовато-серой кашей. Диковинный аромат, ярчайший коктейль запахов ударил в нос, голова немного закружилась.

– Это, – продолжил тем временем Дольф, – сильное средство. Будет жечь, но лечение пойдёт быстрее.

Я кивнул.

Разрезая бинты и обрабатывая припухшую ногу, он не разговаривал. Точнее, не разговаривал со мной: бубнил под нос, то довольно ухмыляясь, то, наоборот, хмурясь.

– Гниение не пошло, кости встала на место, кровь не идёт... Ну, могу сказать, что всё просто великолепно, – и он опять улыбнулся.

– Спасибо, – пробормотал я, опустив взгляд, – за всё.

– Рано благодаришь. Хоть перелом и не сложный, но ноги лошади отличаются от людских. В деревне коня, получившего такую травму, убивают. Из милосердия, чтобы животное не мучилось? Нет. Просто никто не желает возиться.

Мурашки табуном пробежали по коже от его слов.

– Люди жестоки, – тихо продолжил Дольф, – и в этом я согласен с кентаврами. Я ненавижу, когда, не сделав и попытки помочь, эти... звери умерщвляют живых существ.

Я видел, как исказилось его лицо – ярость, брезгливость и отвращение смешались в гримасе.

– Прости, что я говорю такое. Теперь ты, наверняка, будешь сильнее ненавидеть людей. Возможно, это и правильно. Но ты устал. Отдыхай.

Ставив с кровати одеяло, он набросил его на мои плечи и корпус.

– Сон – лучшее лекарство, Элиас.

Я поблагодарил его, как сумел, искренне. Дольф был не таким, как другие люди. Я старался отделить его от остального племени жестоких двуногих. Но боялся, что не смогу поверить до конца. Однако попытаться стоило. Только ради него.

Той ночью беспокойный сон терзал меня.

Лёгкий ветер в волосах, тёплый, ласкал шерсть, трепал хвост. Я не скакал – летел, раскинув руки в стороны, как крылья. Так мог почувствовать себя птицей, воспарить к орлам, к облакам, устремиться в неизведанную небесную синь.

Ветер щипал глаза, выдавливая слезы. Четыре белых копыта выбивали ритм сердца, взрывая землю. Скачу. Куда? Только вперед! Там свобода.

Овраг. Узкой линией обрыв перечеркнул гладь простора. Раз. Два. Три. Отталкиваюсь, лечу. И казалась недалёкой та сторона, но приблизиться к ней я был не в силах. Даже руки-крылья не помогли. Я понял – не долететь. Осознание острым куском льда вонзилось под сердце. Я падал в пропасть, а края её сомкнулись надо мной.

Проснувшись в темноте, я долго не понимал, где нахожусь. Всё незнакомо: звук, запах, темнота и тени. А я явственно ощущал чужое присутствие, но, странное дело, страха практически не испытывал. После сна сердце билось птицей в груди, дыхание сбилось, как от долгого бега, однако тревога исчезала, словно песок, просачивающийся между пальцев.

С первыми лучами солнца проснулся Дольф. Потягиваясь, он улыбнулся, а я увидел на его обнажённом теле грубые рубцы. Проследив за взглядом, он нахмурился и произнёс:

– Люди жестоки, они боятся того, чего не в силах понять. Оттого и дурят.

– Тебе больно?

– Уже нет, – отмахнулся он, – забудь об этом. Не обращай внимания.

Дольф первым делом осмотрел мою ногу.

– Болит? А здесь? – он слегка надавливал на распухшую пясть.

Я не успевал кивать – морщился, и это был лучший ответ на его вопрос.

Дольф, собирая сумку, бросил «по делам» – и ушёл, оставив меня в одиночестве. Сидя всё на том же ворохе соломы, я скучал, вспоминал, тосковал. Под вечер забылся в полудрёме, но сон сгинул, когда вернулся Дольф. Мрачный он вытряхивал из сумы пучки трав и недовольно бурчал под нос.

– Мальчишки, – ответил он на немой вопрос. – Постоянно достают. Задирают, камнями кидают. Не переживай, – тут же спохватился. – Скажи, как нога?

– Легче, – добродушно улыбнулся я.

– Так-так-так, – он в мгновение ока оказался рядом. – Ещё раз, верни на лицо это выражение.

– Что? – я растерялся. Он сидел слишком близко. Сердце забило в разы быстрее. Я хотел отодвинуться, но за спиной стенка – непреодолимая преграда.

– Улыбнись, – попросил он мягко, обхватывая ладонями моё лицо, – тебе идет улыбка.

Но... отвёл взгляд и попытался отвернуться, чтобы спрятать смущение. Страх медленно вернулся.

– Пусти, – я не прошептал, а выдохнул, – пожалуйста...

– Что? – удивлённо. Но тут же, осознав, убрал руки. – Прости, я не хотел тебя пугать.

Он расстроился. Поднялся и отошёл. Вечер заканчивался в тишине. Дольф ходил растерянным и, словно в трансе, готовил мазь и перевязывал рану. А я? Что я чувствовал, глядя в опечаленное лицо Дольфа? Даже тени улыбки, что раньше украшала его веснушчатое лицо, до темноты не проскользнуло.

– Дольф, – едва слышно окликнул его ночью, когда погас свет и воцарилась тишина: – Ты не спишь?

– Нет.

Он, повернувшись, посмотрел на меня.

– Ты... – я с трудом подбирал слова. – Ты злишься?

– Нет. Я сам виноват, прости. Этого не повторится. Я ведь вижу, что ты до сих пор боишься. Когда я наношу мазь, тебя всегда передёргивает.

– Прости.

– Не извиняйся. От природы не уйдёшь. Кентавры испокон веков считали людей врагами. Это у тебя в крови, – Дольф вздохнул – горестно. – Но все же ты милее, когда улыбаешься.

– С-спасибо, – промямлил я.

Эту ночь я провёл спокойнее, чем прошлую. Сны пришли на этот раз яркие и грустные: о братьях, отце и матери, о детстве в табуне. А потом возник Дольф. Счастливый, улыбающийся, он звал. Держал за руку, водил по полю трав. И, казалось, что пряный аромат заполнил всё кругом. Я смеялся, скакал вокруг него, радость переполняла сердце. Так хорошо и тепло.

Проснулся я далеко за полдень. Дольф уже ушёл. Солнце, пробиваясь сквозь мутное окошечко, приятно согрело бок. Я нежился в лучах, медленно скользящих по телу, расслабился и вздрогнул, когда запахнулась дверь, и Дольф буквально влетел в дом.

– Ну, ты и соня, – усмехнулся он. – Но это очень хорошо: значит, выздоравливаешь.

Он был счастлив: подпрыгивал от возбуждения, напевал и насвистывал незнакомые мотивы. От одного только взгляда на сияющего от удовольствия и радости Дольфа на сердце у меня становилось тепло.

– Болит? – спросил он вечером, когда менял повязки и наносил мазь.

– Нет. – Отсутствие боли меня удивило.

Нога действительно долго не беспокоила. Почти неделю. Но потом случилась буря. Полдня бушевала гроза. Я выл от сильной тянущей боли. Вернулась лихорадка. Как ни старался, Дольф не мог облегчить мои мучения. Мази, питье, компрессы – ничего не помогало. Под вечер, вымотавшись окончательно, я забылся в тревожной дрёме, лёжа головой на коленях Дольфа. Сквозь сон чувствовал, как он прикладывал прохладный компресс ко лбу, гладил по волосам. Совсем как мать в детстве. Уютно? Наверно. Страх ушёл, затаился где-то глубоко... А здесь и сейчас... Я погрузился в сон, словно в парное молоко. Согретый теплом печи, толстым одеялом и... им. Его запах – аромат трав и солнца – окутал и успокоил.

Крепко проспал до утра, и Дольф не отходил от меня. Чувствовал сквозь сон – он рядом, оберегает покой. Покуда утреннее солнце, слепя шальным лучиком, не прогнало остатки сна.

– С добрым утром, – произнёс над ухом Дольф.

Не открывая глаз, улыбнулся в ответ – знал, ему это нравилось.

– Как нога? – так же тихо спросил он.

Сон лениво отступал, отпускал из вязких, тёплых и ласковых объятий. Дольф потянулся, неловко разминая затёкшие мускулы.

– Прости, – произнёс я рассеяно. Пора подниматься. Ему неудобно было спать. Если он вообще спал.

– Ничего. Тебе же хорошо спалось? Значит, всё нормально.

Он, как всегда, приготовил мазь, потом – завтрак. И говорил, что никуда не пойдёт.

– Почему?

– Не хочу.

Тот день мы провели вдвоём. Дольф занимался домашними делами, а я отдыхал, наблюдая за ним. К обеду он уделит время и мне.

– Знаешь, а ты улыбался во сне. Думаю, тебе снилось что-то приятное.

– Наверное. Не помню, – пожал я плечами.

Вдвоём мы наслаждались теплом солнца и свежестью воздуха после грозы. Дождевые капли блестели на траве и листьях. На кристально-чистом небе не гуляли облака. Дольф редким гребнем расчёсывал мои волосы.

– Как грива у лошадей, густые, жёсткие... – произнёс он, пропуская сквозь пальцы смоляные пряди. – Ой, прости. Наверно, не стоило сравнивать тебя с животными. Просто как-то... вырвалось.

– Прощу. Но в последний раз, – стоило обиженно фыркнуть. – Я не бестолковое животное, запомни.

Жёсткой соломой, скрученной в тугий жгут, Дольф чистил шерсть. Он интуитивно чувствовал, где сильнее почесать шкуру или нежно погладить.

– Ты как кошка, – рассмеялся Дольф. Он хохотал, глядя на то, как я подставлялся ласкам.

– Но это же очень приятно! – пробовал я возразить, но он зашёлся смехом, согнувшись пополам. Соломенный жгут выпал из его рук. Он смеялся так заразительно, что я поддался веселью. Расслабился и завалился на бок, блаженно вытянув ноги.

– С тобою так легко, – смущаясь, сказал Дольф. – Намного лучше, чем с людьми.

Жмурясь от ослепительного солнца, я нежился, вдыхал аромат свежести. Тепло... и пахнет травами.

Лишь на мгновение я прикрыл глаза...

– Колдун! Колдун! Колдун! – убегая, кричали дети.

– Чёрт! – прорычал Дольф вскакивая на ноги. – Они тебя видели!

– И что будет? Это всего лишь дети, – удивился я. Сломя голову мальчишки и девчонки неслись, надо полагать, в деревню.

– Да. Ещё я колдун, а ты кентавр, – Дольф помрачнел. – Прости, я не знаю, что будет. Может, им поверят, но люди предпочитают меня не трогать. В любом случае, я постараюсь тебя защитить, как сумею.

Нужно было уходить. Ночевать в лесу? Зима стояла на пороге: суровая и холодная. По утрам выпадал колкий иней.

Дольф раздумывал, рассеянно теребя соломенный жгут.

– Нужно уходить, – тихо произнёс он, встал, торопливо исчез за дверью и вернулся с набитой сумой.

Вновь я ковылял рядом с ним по жёлтой пыльной дороге, опираясь на его плечо и поджимая зажившую ногу. Дольф попросил не наступать на неё – перелом едва зажил, хоть нога и не болела. Он молча поторапливал, но боялся, что одно неверное движение задержит наше передвижение.

В сумерках мы свернули с дороги в сторону леса. Дольф беспокойно оглядывался, и уверял, что нас не преследуют. Он уверял, что защитит меня любой ценой. Я слышал крики, что неумолимо становились громче, а с наступлением темноты совсем близко вспыхнули факела.

Мы бежали. Но не успели...

Сельчане набросились на Дольфа. Он утонул в море озлобленных людей.

Меня окружили.

– Демоново отродье! – кричали здоровые мужики, угрожая вилами и тыкая факелами.

Я вертелся и отбивался, отступал и, надрываясь, звал Дольфа. В панике не понимал, что делаю. Встал на дыбы, надеясь его увидеть. Кто-то ловко накинул на правую переднюю верёвку с петлёй, которая затянулась на едва зажившем переломе. Резкий рывок – и я, потеряв равновесие, упал, больно ударившись плечом. Мужичье тут же набросилось с верёвками, связали, лишая возможности пошевелиться. Мои крики и слёзы никого не трогали. Я плакал, кричал и отчаянно звал Дольфа. Мне было страшно. Страшно и очень, очень больно: казалось, что ногу вновь сломали.

– Не трогайте его! – донёсся отчаянный вопль Дольфа. – Он всего лишь ребёнок!

– Убить!!! – орали мужики, не слушали его слова. – Уничтожить тварь!!!

Что чувствовал тогда? Захлёбывался слезами, дрожал от ужаса, от боли... от того, что нас ждёт.

– Убить демона! – ревела толпа.

– Нельзя, – взвыл голос. – Это накликать беду на деревню.

Вперёд вышел старик. Опираясь о сухую палку скрюченными и иссушенными временем руками, он медленно подошёл вплотную ко мне. Снизу вверх я смотрел в костлявое, жёлтое в факельном свете лицо незнакомца. Он наклонился, чтобы коснуться моего лица. Я забился в путях, пытаюсь отодвинуться от страшных скрюченных пальцев. Когда он дотронулся до моей щеки, меня едва не вывернуло наизнанку от отвращения.

– Смерть юной твари только разгневает демонов. Мне надо посоветоваться со священником. Тварь в деревню. И запереть.

Мне набросили на голову мешок и удавку на шею. Чуть дёрнувшись, я душил себя. Шагал я медленно, шатаясь, словно от дурмана. Несколько раз падал. Нога болела всё сильнее. Под конец стало невыносимо на неё опираться. Ткань на глазах насквозь промокла от слез. Я слышал, как мужики переругивались между собой, проклинали меня и «того колдуна». Дольфа. Его самого я не слышал. «Где он? Что нас ждёт?» – билась в голове мысли, пугающие до отчаянья.

Мешок с головы сорвали в деревне. Застегнули ошейник с цепью и заперли в клетке на краю площади. Толпа подступила вплотную. Люди тыкали пальцами, брезгливо и зло кричали. Клетка была совсем маленькой: я едва мог развернуться, а стоя задевал макушкой толстые прутья потолка. Я вертелся, вжимаясь боком в прутья. Вокруг скалились злостью и ненавистью лица.

– Демон! Сжечь его! Убить нечисть! – ревела безостановочно толпа, но близко не приближались.

В один момент я неосторожно наступил на воспалённую ногу. Громко взыв, сполз по прутьям. Я попытался сжаться в комок, зажмурился и закрыл уши, стараясь сбежать от гнева толпы.

– Пожалуйста, – я плакал.

На рассвете я ещё ревел от страха и боли. Сейчас было намного страшнее, чем, когда я угодил в капкан. Людская ненависть наполнила крохотную клетушку, сочилась ядом с прутьев. Селяне быстро осмелели: кто-то кинул камень, угодив в плечо, мальчишка ударил палкой по рёбрам.

– Пожалуйста, – всхлипывал я, – прекратите! Дольф, Дольф... Где же ты? – звал шёпотом.

Вскоре я узнал. Увидел своими глазами. В полдень, здесь же на площади. Его вели с противоположного края к середине, где вокруг столба разложили хворост. Дольф ковылял, сильно

припадая на левую ногу. Лицо в крови, руки стянуты за спиной, одежда грязна и порвана. Он отыскал меня взглядом. Улыбнулся, растягивая кровоточащие губы, – вышло горько.

– Дольф!!!

Я знал, что произойдёт. Выл, кричал, звал его, молил толпу. На мою истерику никто не обратил внимания. Люди повернулись спинами к клетке, взирали на костёр, что нехотя разгорался в прохладном воздухе. Дольф, привязанный к столбу, продолжал смотреть на меня. Вскоре я не мог разглядеть его. Огонь, дым... и пелена слёз. Звал до хрипоты.

Толпа азартно улюлюкала. «Колдун! Сдохни!» – кричали мужики, бабы и даже дети. А я бессильно сполз по решётке: не вынеся пытки, потерял сознание. И уже не видел, как, рухнул прогоревший до основания столб и погрёб под собой останки Дольфа.

Первые несколько дней я подолгу рыдал от ярости, от тоски, от бессилия. Готов был грызть цепь. Однако через неделю успокоился, растратил силы и выплакал слёзы. Стоя или лёжа в клетке жарким днём и холодной ночью, под проливными дождями, существовал. Не звал смерти. Люди, проходя мимо, бросали злые и брезгливые взгляды, выкрикивали проклятия. Дети, бывало, кидались камнями, но это им быстро надоело – я не реагировал. Ссадины, синяки покрылись слоем грязи. Волосы и шерсть свалились и потускнели. Нога болела, не переставая, по ночам усиливалась лихорадка. Боль вымотала меня.

Прошло много дней – сколько именно, не помню, сбился со счёта – меня решили отпустить.

Толстобокый монах, отпев песнопения, застегнул на моей шее ошейник с нацарапанными кабалами. «Чтобы держать нечистую силу», – нараспев проговорил старик. Мне было всё равно. Солдаты на лошадях, вооружённые пиками и алебардами повели меня прочь от деревни. Я плёлся следом со связанными руками и удавками на шее. Хромал, но старался не отставать.

Два дня мы шли без отдыха и сна. Остановились на опушке леса. Солдаты, побросав верёвки, пришпорили коней.

Когда смолк топот копыт, я позволил себе лечь. Я устал... Свобода? Жизнь? Больше месяца прошло с того дня, как я попал в злополучный капкан. Моя шерсть загрязнилась так, что солнцу опротивело её касаться. Волосы наполовину выбелила седина.

Жить?

Где родной табун, отец, братья – я не знал. Да и не приняли бы они меня, калеку: бегать не мог, да и ходил-то с трудом. Четырнадцать лет... детство для кентавра. А для меня? Детство закончилось в том капкане. Иные взрослые за века жизни не испытали столько страха и отчаяния, что испытал я за один месяц.

– Дольф, – шептал я, чувствуя горечь и боль, заполняющие пустоту в душе. Слёз не осталось – давно выплакал.

Через лесной говор пробился далёкий рокот водопада. Почти день я шёл к нему.

С крутых серых скал срывались в бездну воды широкой реки. Брызги росой оседали на коже. Ветер трепал свалившиеся тусклые чёрно-седые волосы. Холодный ветер, злой, зимний. Глаза жгло от невозможности пролить последнюю слезу.

Я долго пролежал на ледяных скалах, пока не перестал чувствовать окоченевшее тело. Одинокий, покинутый, с дырой в душе. Кентавры живут долго, моему отцу два века. Но мне... вожаком, как отец, мне не стать.

В тревожных мгновеньях, забываясь сном, я видел, как лечу камнем вниз. Лечу, подобно птице. Раскинув руки, словно крылья, но не могу взмыть высоко-высоко. Туда, где парил орёл, и облака неспешно прогуливались по голубому небосводу. Ах, почему же я всего лишь кентавр, а не птица?

По щекам текла роса – не слёзы. Всего четырнадцать лет, я был полон сил и уверенности в своей непоколебимой удаче.

Ещё один прыжок... последний. Во сне. Я не перестал бояться смерти. Я боялся предать Дольфа: он отдал свою жизнь за моё спасенье. Как мог я перечеркнуть светлую память о недолгой дружбе?

Не смог...

И вот я стою, тяжело опираясь на костыль, а он лежит у ног моих – изломанный мальчишка-охотник. Рядом смятый камнепадом капкан. У мальчишки круглые глаза, в которых океан боли смешался с морем страха. Он бледен, как скалы за его спиной. Красным уродливым цветком на его голени цветёт перелом. Сколько он провалялся здесь, я не знаю, но крови натекло море.

– Если доверишься, то сможешь выжить. – Кажется, именно так говорил Дольф.

За много лет старый перелом заостенел, нога болтается бесполезным, чахлым придатком. Моя боль осталась в прошлом. Дождавшись судорожного кивка, я тяжело опускаюсь рядом. Лежать на острых камнях неудобно и больно, но по-другому вправить кость и помочь человеку я не могу.

– Наверное, – тихо произношу я, покончив с перевязкой, – тебе следовало почтить память колдуна Дольфа.

Мальчишке только и остаётся, что хвататься за мою руку и подстраиваться под неровный ход. Мы ковыляем вдоль скал к моему жилищу в пещере позади водопада. Там сухо, тепло, горит костёр. Под сводом развешаны букеты лесных и луговых цветов. Тот запах. Запах Дольфа. Запах солнца. Запах трав.

Ирина Ваганова

Весёлый романтик, неустомимый сочинитель. Пишу стихи, рассказы, книги для детей, юношества и для взрослых. Пробую разные жанры: фантастика, фэнтези, мистика, современная проза.

Окончила литературные курсы «Мастер текста», сценарную мастерскую и мастерскую короткого рассказа школы sws.

С 2013 года участвую в сетевых литературных конкурсах, в копилке есть победы.

Стихи и рассказы печатали в сборниках в рамках различных проектов.

Творческая страничка ВКонтакте "Воображение / разбор полётов" <https://vk.com/public119422950>

Авторский проект "Волишебные верфи" – уникальная книга для конкретного ребёнка <https://vk.com/publicverfy>

Познакомиться с книгами можно на ЛитРес: <https://www.litres.ru/irina-vaganova-13025309>

Укушенная

Подъём оказался не так уж и сложен, хотя Гуриан утверждал, что тащить тяжёлый короб мне не под силу. Впервые он отправился с бабушкой в долину пять лет назад, а ведь ему тогда было всего десять. Брат – мы двойняшки – умел раздражить каждый раз, когда, возвращаясь в деревню, хвастал перед друзьями купленными книгами. Все ребята нашей деревни – в том числе и мы с младшей сестрёнкой – завидовали ему. Конечно, бабушка приносила и нам что-нибудь утешительное, но короб с овечьей шерстью и так тяжёл, а книжки добавляли лишнего веса.

Поправляя на плече ремень, глубоко врезавшийся в кожу, я взглянула на спутницу: не заметила ли она, как меня беспокоит натёртая до крови ссадина? Бабушкино лицо покраснелось, лоб блестел от пота, тонкие седые на висках волосы слиплись и выглядели глянцево-коркой, точно глазурь на праздничных пряниках. Поймав мой взгляд, она улыбнулась:

– Уже скоро, Лэйла. Минуем лес, выберемся на плато, тропа станет пологой.

Я кивнула и прибавила шаг. Идти по лесу было приятно: слежавшиеся перегнившие листья делали дорогу мягкой, податливой, и всё же меня тянуло на плато, туда, где близко небо и облака, где открывается простор... Удивительно, что Гуриан любил долину. Она показалась мне тесной, я скучала по горным тропам, по захватывающей дух высоте, по прозрачности бегущих с заледенелых вершин ручьёв. Однако теперь придётся мне, а не брату, каждой весной спускаться вниз. Ему исполнилось пятнадцать лет, и пришла пора трудиться в замке горного лорда – все мужчины нашей деревни работали там. Женщин брали только самых сильных, и моя мать была среди них, поэтому видели мы родителей редко. Теперь и брата я смогу навещать лишь по праздникам, а домой он будет попадать по высочайшему разрешению в награду за безропотный труд.

– Бежим! – бабушка схватила меня за руку и потянула вперёд. – Скорее!

Что случилось? Я, припустив за ней, огляделась. По стволам окружающих дорогу деревьев скользили щупальца тумана. Полосы цвета свежей сыворотки выползали из леса, пересекая дорогу, колыхались, сливались в одну полупрозрачную пелену.

– Шевелись, дурёха! – бабушка стала стаскивать ремень с моего плеча. – Бросай его! Бросай!

Она освободилась от своего короба – он с глухим стуком упал на дорогу, следом зашелестел и мой.

– Почему? – только и смогла я выдать, озираясь на бегу.

– Их не было двадцать лет! – прерывисто говорила бабушка. – Думала, всех истребили. Беги!

«Горные тени, – мелькнула догадка, – сказочные страшилища». Туман – их спутник. Это известно. Но я видела тысячу туманов, и ни один не принёс беды. Я снова оглянулась. Преследующая нас пелена не походила на бледные, как пар в морозном воздухе, природные туманы. Этот был опасным и... разумным. Бабушка с силой тянула меня вперёд, я бежала что есть мочи, но не могла не смотреть на сгущающиеся за спиной клубы. В них появился сизый силуэт, напоминавший волка, только крупнее раза в два: огромная голова с чёрными провалами глаз, шесть лап... Шесть! Зачем? Тень двигалась скачками – четыре лапы касались земли одновременно, потом пара задних толкала тушу вперёд. Я видела это, хотя всё остальное – деревья, дорогу, даже бабушку – трудно было разглядеть из-за сгустившегося вокруг марева. Страшилице настигало. Два шага отделяло его разинутую пасть от моей спины. Моих два шага, а его – один-единственный прыжок. Это казалось невозможным, но я ускорила. Глянула вперёд – в отгородившей нас от остального мира завесе жёлтел расплывчатый кружок. Всю предыду-

щую дорогу солнце слепило, мешая смотреть, теперь же оно стало единственным ориентиром в белёсой тьме.

– А-а! Бабушка!

Рывок за юбку остановил мой бег. Оборачиваясь, я рефлекторно потянула её. Передние лапы чудища оканчивались человеческими кистями с выпирающими на суставах шишками. Ткань схватили не пастью! Клыки в ней были огромные, острые, совершенно звериные – я успела заметить их прежде, чем челюсти сомкнулись на моём запястье. Бабушка выхватила из притороченных к поясу ножен острый кинжал и всадила лезвие между зияющих чёрной пустотой глаз. Хватка чудища ослабла, я выдернула руку, клыки, разжимаясь, оставили на коже две глубоких обжигающих полосы. Пятясь, я заметила ещё один взмах кинжала: бабушка отсекла кусок ткани от моей юбки.

– Беги!

Уже через десять шагов мы оказались на свободной от тумана дороге и, отбежав немного дальше, повалились на землю. Я почувствовала пряный запах мокрой почвы, ощутила песок во рту – он скрипел на зубах и облепил язык. Отплёвываясь, я приподнялась на локтях и оглянулась: туман отползал, истончаясь, таял – он не пересёк границу леса.

Бабушка сидела на земле, опершись на руки, и, широко раскрыв глаза, всматривалась в отступающего врага. Я с благодарностью оглядела покрытые пуговками мха камни, ровную, серую поверхность и виднеющиеся в отдалении скалы – мы сумели выскочить на плато. Здесь мы в безопасности.

Рану жгло. Я села, поднесла руку к глазам: кровь сочилась, собиралась в струйку и капала на землю.

– Сиди тут. Я вернусь за коробами, – велела бабушка, поднимаясь.

Я протянула к ней укушенную руку:

– Надо кровь остановить. Есть чем перевязать?

– Тебя укусили? – Она резко обернулась, испугав меня. – Молчи об этом! – бабушка закатала мой рукав и с нажимом водила ладонью по коже, ускоряя бег крови. – Пусть вытечет как можно больше, – ответила на мой непонимающий взгляд.

Вскоре началось головокружение, потемнело в глазах, бабушка замотала рану шейным платком и старательно натянула поверх него рукав кофты. Оставив меня одну среди камней, вернулась в лес. Полусонными улитками ползли бесконечные минуты ожидания. Страшно не было – мной завладело тупое безразличие, хотелось лечь и уснуть. Я не торопила бабушку, не могла даже представить, что поташу тяжёлый короб дальше. Но ведь и бросать его нельзя. Нам предстоит напрясть ниток и связать тёплые вещи на продажу. Не будет башлыков, рукавиц и носков – не сможем покупать обувь, посуду, инструменты, книги, наконец. Горный лорд обеспечивал семьи работников основными продуктами, зерном для домашней живности, торфом и дровами, но особой щедростью не отличался, приходилось и самим крутиться.

Сначала я услышала хруст камней, потом сквозь чуть разомкнутые веки увидела бабушку. Она согнулась под тяжестью двух коробов: большой нацепила себе за спину, а второй поставила сверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.